

950

ЛЕОНЪ ДЮГИ,

ПРОФЕССОРЪ БОРДОСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Соціальное право,

3838

индивидуальное право

и преобразование государства.

Лекціи, прочитанныя въ 1908 г. въ Высшей Школѣ
Соціальныхъ Наукъ въ Парижѣ.

ПЕРЕВОДЪ ПРИВ.-ДОЦ. МОСКОВ. УНИВЕРС.

А. ЯЩЕНКО

съ предисловіемъ проф. А. С. АЛЕКСѢЕВА.

Изданіе Н. Н. Клочкова.

МОСКВА.

1909.

1754 наб. исл. нр.
19486 чеш. нр.

СПбГУ

Предисловіе къ русскому переводу.

Наука государственнаго права переживаетъ въ наши дни серьезный кризисъ. Ея основныя проблемы подвергаются коренному пересмотру; теоретическія начала, которыя до послѣдняго времени признавались прочно установленными, становятся предметомъ серьезной критики; воззрѣнія, которыя еще недавно считались безспорными, вызываютъ принципиальныя возраженія и сталкиваются съ точками зрѣнія, ихъ безусловно исключаящими. Традиціонная доктрина о государствѣ, какъ о высшемъ самодовлѣющемъ цѣломъ, и о государственной власти, какъ о власти первичной и абсолютной, встрѣчается съ цѣлой волной новыхъ идей, которыя грозятъ безслѣдно смыть ее и расчистить почву для политическаго созерцанія, исходящаго изъ прямо противоположныхъ началъ.

Эти новыя начала связаны одной общей тенденціей—подчинить государственную власть праву, какъ высшему авторитету, и признавать имѣющими обязательную силу лишь тѣ акты этой власти, которые въ правѣ имѣють

свое основаніе и въ правѣ же находятъ свой предѣлъ.

Дюги, послѣднее произведеніе котораго мы въ русскомъ переводѣ предлагаемъ вниманію читателя, является несомнѣнно однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и яркихъ провозвѣстниковъ этихъ новыхъ идей и смѣлымъ и послѣдовательнымъ противникомъ традиціонной доктрины. Въ пылу борьбы съ этой доктриной онъ нерѣдко увлекается и выставляетъ положенія, бьющія дальше намѣченной имъ цѣли, но основной мотивъ его воззрѣній несомнѣнно вытекаетъ изъ назрѣвшихъ требованій переживаемаго нами времени и идетъ навстрѣчу тому идейному движенію, которое все рѣшительнѣе въ наши дни пробиваетъ себѣ дорогу во всѣхъ сферахъ государственной жизни.

Основное заблужденіе господствующей доктрины Дюги видитъ въ воззрѣніи на государство, какъ на коллективное лицо, обладающее непреодолимой силой все и вся подчинять своему абсолютному господству: оно опредѣляетъ направленіе культурной жизни, оно же и создаетъ право; если государство въ своихъ дѣйствіяхъ ограничено правомъ, то лишь постольку, по сколько оно само того хочетъ: оно суверенно, т.-е. опредѣляется не стоящими надъ ней нормами, а своей собственной волей.

Дюги рѣшительно отвергаетъ эту доктрину. Если государственная власть, говоритъ онъ, — источникъ права и сама устанавливаетъ пре-

дѣлы своихъ полномочій, то ее нельзя мыслить иначе, какъ властью неограниченной, властью сверхправовой. Если видѣть въ правовыхъ нормахъ предписанія власти, то нельзя признавать эту власть связанной правомъ. Между тѣмъ связанность государства правомъ есть основное и безусловное требованіе современной культуры. „Существованіе нормы права, возвышающей надъ правителями и управляемыми и обязательной для нихъ“, говоритъ Дюги, „есть необходимый постулатъ. Подобно тому какъ вся геометрія покоится на эвклидовомъ постулатѣ, точно такъ же и вся жизнь современныхъ народовъ покоится на этомъ постулатѣ нормы права... Право не есть политика силы, какъ училъ Герингъ, оно не есть дѣло государства, оно предшествуетъ ему и возвышается надъ нимъ: оно является границей государственной силы и государство есть не что иное, какъ сила, отданная на служеніе праву“.

Право, по ученію Дюги, возникаетъ до государства: оно зарождается съ первыми признаками общности. Съ того момента, когда люди стали не только сталкиваться другъ съ другомъ, но и вошли въ болѣе или менѣе устойчивыя другъ къ другу отношенія, должны были зародиться правила, опредѣляющія эти отношенія. Жизнь въ обществѣ немыслима безъ извѣстной дисциплины, а эта дисциплина есть не что иное, какъ признаніе

правиль, независимыхъ отъ субъективныхъ хотѣній отдѣльныхъ людей и подчиняющихъ себѣ этихъ людей въ силу своего внутренняго авторитета.

Эти соціальныя нормы нельзя смѣшивать съ предписаніями морали. Онѣ регулируютъ лишь внѣшнее поведеніе людей и не обращаются къ внутреннему міру человѣка, къ его чувствамъ, мыслямъ и желаніямъ; онѣ далѣе регулируютъ лишь тѣ внѣшніе акты людей, которые имѣютъ извѣстное значеніе въ общественной жизни.

Эти нормы, далѣе, не имѣютъ ничего общаго и съ тѣми абсолютными правилами, которыя выдвигаетъ школа естественнаго права и которыя она противопоставляла предписаніямъ положительнаго права. Соціальныя нормы суть явленія историческія и какъ таковыя текучи и измѣнчивы: возникая вмѣстѣ съ первыми зачатками общественности, онѣ растутъ и развиваются по мѣрѣ того, какъ усложняется и видоизмѣняется общественная жизнь. Соціальныя нормы, какъ ихъ понимаетъ Дюги, никоимъ образомъ нельзя противопоставлять положительно праву, ибо эти соціальныя нормы съ его точки зрѣнія относятся къ положительному закону, какъ содержаніе относится къ формѣ. Законодатель, по воззрѣнію Дюги, не творитъ юридическихъ нормъ, а лишь констатируетъ и формулируетъ сложившіяся независимо отъ чьихъ-либо индивидуальныхъ

воль соціальныя правила, вытекающія изъ общественной солидарности и являющіяся необходимыми требованіями мирнаго сосуществованія людей. Каждый положительный законъ, если только онъ представляетъ собою жизнеспособный факторъ, включаетъ въ себѣ социальную норму, которая образуетъ собою его нормативное содержаніе. Но законъ кромѣ социальной нормы можетъ содержать въ себѣ и опредѣленія, которыя имѣютъ цѣлью организовать мѣропріятія, обеспечивающія примѣненіе закона. Эту часть закона Дюги называетъ конструктивной частью въ отличіе отъ той части, которая заключаетъ въ себѣ предписаніе самой нормы и которую онъ называетъ частью нормативной. Лишь послѣдняя составляетъ существенное содержаніе закона. Она обязательна для всѣхъ и обязательна не потому, что она предписаніе власти, а потому, что она заключаетъ въ себѣ объективную норму права. Конструктивная же часть содержитъ въ себѣ лишь техническія предписанія правительственнымъ агентамъ и имѣетъ по этому отношенію лишь къ нимъ.

Право, по ученію Дюги, какъ мы уже сказали, возникаетъ до государства и имѣетъ самостоятельное отъ него существованіе. Въ государствѣ оно облекается лишь въ форму закона и становится подъ защиту организованной принудительной власти. Эта принудительная власть, уже по самой природѣ своей и по

своему назначенію, могла образоваться лишь послѣ того, какъ возникло право. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы зародилась принудительная власть, должна была прежде всего почувствоваться потребность въ принужденіи, эта же потребность сказалась лишь послѣ того, какъ стали нарушаться нормы права, другими словами, принудительная власть, возстановляющая нарушенное право, уже предполагаетъ право, какъ нѣчто существующее.

Въ первобытныхъ союзахъ общественная солидарность, благодаря простотѣ отношеній, чувствуется непосредственнѣе и соціальныя нормы соблюдаются безъ содѣйствія организованнаго принужденія. Лишь съ усложненіемъ общественныхъ отношеній возникаютъ тѣ общественныя противорѣчія, которыя вызываютъ нарушенія соціальныхъ нормъ, наступаетъ та борьба силъ и тотъ соціальный антагонизмъ, который роковымъ образомъ ведетъ къ фактическому преобладанію сильныхъ надъ слабыми и къ сосредоточенію принудительной власти въ рукахъ первыхъ.

Это и есть тотъ моментъ, который знаменуетъ собою образованіе государства. Государство и государственная власть, говоритъ Дюги, возникаетъ тамъ, гдѣ на опредѣленной территоріи произошла дифференціація между сильными и слабыми или, что тоже, между правителями и управляемыми, гдѣ, другими слова-

ми, сильнѣйшіе монополизировали въ своихъ рукахъ принудительную власть.

Государственная власть, по Дюги, есть, такимъ образомъ, не правовое явленіе, а фактическое отношеніе: господство сильныхъ надъ слабыми. Нельзя поэтому говорить о правѣ государственной власти повелѣвать: правители, образующіе эту власть, не имѣютъ права повелѣвать, а лишь силу принуждать. Эти люди, монополизировавшіе власть, разсуждаетъ Дюги, не имѣютъ никакихъ правъ; но они, какъ члены общества, наравнѣ со всѣми другими подчинены праву и обязаны пользоваться своей силою для того, чтобы обезпечивать уваженіе къ праву.

Мы здѣсь должны остановиться въ изложениіи ученія Дюги: мы дошли до того тезиса въ его доктринѣ, который не можетъ не вызвать съ нашей стороны самыхъ серьезныхъ возраженій.

Отмѣтимъ прежде всего, что тезисъ этотъ стоитъ въ противорѣчій съ основной тенденціей доктрины. Въ самомъ дѣлѣ, если власть правящихъ есть фактическое преобладаніе болѣе сильныхъ, то не безнадежны ли всѣ попытки связать это господство сильныхъ правовыми нормами? Если правящіе обязаны своею властью надъ управляемыми фактической силѣ, то что можетъ обязать ихъ пользоваться этой властью въ предѣлахъ права? Власть, покоящаяся не на правѣ, а на силѣ, всегда бу-

детъ имѣть своею тенденціей развѣртывать и расширять эту питающую ее фактическую силу и всегда будетъ стремиться этой силой побороть все, что стоитъ ей поперекъ дороги и что можетъ стѣснять ея свободный разгулъ. Возврѣніе Дюги, по которому власть въ государствѣ всегда принадлежала и всегда будетъ принадлежать людямъ фактически сильнѣйшимъ, непримиримо съ его же возврѣніемъ на связанность власти правомъ. Оно и не согласуется съ его разсужденіями объ наилучшей организаціи власти. Эта организація, по его словамъ, должна какъ можно болѣе охранять индивидовъ противъ произвола и низводить до минимума опасность нарушенія права со стороны правящихъ лицъ. И однимъ изъ дѣйствительныхъ къ тому средствъ является по Дюги существованіе парламента, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ. Но говорить съ одной стороны объ организаціи власти, предписанной и урегулированной нормами права, а съ другой видѣть во власти фактическую мощь сильнѣйшихъ—это значитъ выставлять два исключających другъ друга положенія. Въ самомъ дѣлѣ, или государственная организація существуетъ и тогда правителями являются не фактически сильнѣйшіе, а тѣ, которые призваны этой организаціей отправлять государственныя функціи, или же этой организаціи не существуетъ и мы имѣемъ дѣло лишь съ фактическими отношеніями и тогда

нельзя говорить о государственныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить законность управленія.

Несомнѣнно, что въ области государственнаго властвованія, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, существуютъ и фактическія отношенія, но столь же несомнѣнно, что эти фактическія отношенія имѣютъ тенденцію приобрѣсти устойчивый характеръ и облечься въ правовыя формы. Тѣ же изъ этихъ отношеній, которыя разлагаются, не вылившись въ такія формы, представляютъ собою преходящія явленія, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть признаны характерными элементами государственной жизни. Нельзя поэтому, какъ это дѣлаетъ Дюги, разсматривать государственную власть, какъ отношеніе, осужденное по самой своей природѣ навсегда оставаться фактическимъ и для правовой организациі неувловимымъ. Развитіе современнаго государства и характеризуется именно тѣмъ, что ирраціональные элементы постепенно иллиминируются изъ политическаго обихода и что фактическія воздѣйствія уступаютъ мѣсто правомъ урегулированнымъ актамъ.

И Дюги несомнѣнно самъ идетъ навстрѣчу этому развитію, категорически заявляя, что обязательную силу для управляемыхъ могутъ имѣть лишь тѣ государственные акты, которые правомѣрны.

Но что такое правомѣрные государственные

акты, какъ не тѣ, которые совершаются компетентными учрежденіями въ предѣлахъ и въ формахъ установленныхъ правомъ?

Какъ бы фактически сильны тѣ или другіе люди или тѣ или другія группы людей ни были, но никогда акты, исходящіе отъ нихъ, обязательной силы не обрѣтутъ, пока сила ихъ изъ фактической не обратится въ юридическую, другими словами, пока они не будутъ призваны правовымъ порядкомъ въ качествѣ государственныхъ органовъ совершать государственные акты.

Отмѣчая неправильность воззрѣній Дюги на природу государственной власти, мы, какъ могъ въ томъ убѣдиться читатель, стали на точку зрѣнія самого Дюги и старались показать, что эта неправильность есть не что иное, какъ уклоненіе отъ тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ покоится доктрина французскаго ученаго. Наши критическія замѣчанія, такимъ образомъ, лишь рельефнѣе подчеркнули эти начала и полнѣе освѣтили ихъ глубокое значеніе для построенія ученія о правовомъ государствѣ.

Въ тѣсной связи съ этими началами стоитъ и та идея, которую Дюги развиваетъ въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги. Централистическое государство, говоритъ здѣсь Дюги, монополизировавшее принужденіе и сосредоточившее въ своихъ рукахъ всѣ публичныя функціи, должно постепенно уступить мѣсто новому

фазису въ политическомъ развитіи, въ которомъ на смѣну атомизированной народной массы, механически руководимой изъ центра, выступить дифференцированное общество, расчлененное на социальныя группы, объединенныя общими интересами: профессиональными, политическими и др. Дюги отмѣчаетъ тѣ быстрые успѣхи, которые въ наши дни дѣлаетъ эта самоорганизация общества и въ этихъ быстрыхъ успѣхахъ онъ съ полнымъ основаніемъ видитъ наступленіе новаго государственнаго порядка, который распредѣлитъ съ каждымъ днемъ нарастающія и все усложняющіяся социальныя задачи между самозародившимися союзами. Дружная же и согласная работа этихъ союзовъ будетъ обезпечиваться не мертвящимъ давленіемъ изъ центра, а живой внутренней дисциплиной, выпадающей на долю народовъ, признающихъ своимъ верховнымъ владыкою не личную власть правителей, а недосягаемый субъективнымъ хотѣніямъ авторитетъ права.

А. С. Алексѣевъ.

Москва
1 Марта 1909 г.

СПбГУ

Первая лекція.

1. Норма права или объективное право. — II. Метафизическій характеръ понятія субъективнаго права. — III. Отрицаніе государственной власти, понимаемой, какъ субъективное право. — IV. Соціальная опасность такого пониманія.

Господа!

Не безъ нѣкотораго опасенія приступаю я къ изложенію того, что должно составить предметъ этихъ трехъ лекцій, но не потому, чтобы я боялся изложить здѣсь идеи, изъ которыхъ нѣкоторыя кому-нибудь могутъ показаться слишкомъ смѣлыми или парадоксальными. Я знаю, что здѣсь (въ Ecole des hautes études sociales), гдѣ широко открыты двери всякимъ мнѣніямъ, откуда бы они не шли и какую бы цѣль они не имѣли въ виду, право все говорить ограничено лишь добросовѣстностью лектора.

Но, по правдѣ сказать, я боюсь окончательно поссориться и съ социалистами и съ ортодоксальными юристами. Относительно первыхъ я думаю, что это уже случилось. Я имѣю честь преподавать право вотъ уже 25 лѣтъ. Профессора же права всѣ находятся на подозрѣніи у социалистовъ. Одинъ изъ нихъ, и притомъ наиболѣе выдающійся, А. Матеръ заявилъ недавно, что „вполнѣ основательно смотрятъ на право, какъ на орудіе буржуазнаго класса, на изученіе права, какъ на консервативную дисциплину, и на юристовъ, какъ на профессиональныхъ реакціонеровъ, ... что профессора права, получающіе вознагражденіе отъ государства, обязаны осторожно обращаться съ богатыми кліентами, которые одни присутствуютъ на ихъ лекціяхъ и покупаютъ ихъ книги.“ Это — не все. А. Матеръ, ища еще болѣе жестокой обиды по нашему адресу, не нашелъ ничего лучше, какъ помѣстить насъ на одну доску съ попами и солдатами. Онъ выражаетъ надежду, „что при новомъ экономическомъ строѣ юристовъ не будетъ, подобно попамъ и воинамъ“*).

Мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, что къ этимъ нападкамъ я остаюсь совершенно равнодушнымъ. Но, несомнѣнно, эти лекціи возбуждаютъ лишь еще болѣе сильную ненависть

---

*) А. Mater, *Le socialisme juridique. Revue socialiste*, t. XL (іюль—декабрь 1904), стр. 9 и 40.

г. Матера противъ юристовъ. Я, въ самомъ дѣлѣ, намѣреваюсь поддерживать то мнѣніе, что теорія классово́й борьбы есть отвратительная доктрина, и что если буржуазный классъ не имѣеть исключительнаго права владѣть орудіями производства, то такъ-же не имѣеть этого права и рабочій классъ или коллективность, и что вообще ни классы, ни общество, ни сами индивиды не имѣють, какъ таковые, никакого права.

Я говорю: ни индивиды. И вотъ почему, поссорившись съ социалистами, я боюсь теперь поссориться съ ортодоксальными юристами. Они, безъ сомнѣнія, не являются профессиональными реакціонерами, какъ утверждаетъ А. Матеръ. Но нѣтъ сомнѣнія, что большинство изъ нихъ, пропитавшись римскимъ правомъ и будучи склонно видѣть въ Дигестахъ, въ сочиненіяхъ Потье и въ Кодексъ Наполеона послѣднее слово человѣческой мудрости, желаетъ дать, какъ первое основаніе для всякаго цивилизованнаго общества, право индивида, субъективное право, т. е. власть индивида противопоставить свою личность, какъ таковую, обществу и другимъ индивидамъ. Это право индивида кажется имъ даже какъ бы кристаллизованнымъ въ неизмѣнную форму, которую придали ему римскіе юристы и которую принялъ Кодексъ Наполеона, именно въ форму индивидуальной собственности, являющейся какъ бы синтезомъ всѣхъ индивидуальныхъ правъ.

Однако я намѣренъ поддерживать то мнѣніе, что если общество не имѣетъ правъ и если различные общественные классы не имѣютъ этихъ правъ, то и индивидъ ихъ не имѣетъ. Я полагаю, что понятіе *субъективнаго права*, т.-е. понятіе принадлежащей лицу власти противопоставить другому свою собственную личность, есть понятіе метафизическаго порядка, которое не должно имѣть своего мѣста въ позитивной организаціи современныхъ обществъ. Это понятіе субъективнаго права, которое нѣкоторые предлагаютъ намъ, какъ абсолютную истину, было лишь моментомъ въ вѣчно измѣнчивой исторіи учрежденій и идей, правда, моментомъ важнымъ, но не болѣе. Допустимъ, что, явившись въ свое время, оно играло въ мірѣ важную роль и имѣло за собой громадныя заслуги. Но нынѣ господство его кончилось. Я считаю, что тѣ, кто еще до сихъ поръ хотятъ основать политическую и гражданскую систему на этомъ изжитомъ положеніи, приготавливаютъ законодательство, неимѣющее практической цѣны и сооружаютъ юридическую технику независимо отъ фактовъ, что является только пустой схоластикой. Однимъ словомъ, я думаю, что нынѣ вырабатывается новое общество, изъ котораго будутъ одновременно исключены и понятіе принадлежащаго коллективности права приказывать индивиду, и понятіе принадлежащаго индивиду права противопоставить

свою личность коллективности и другимъ индивидамъ. И если для цѣлей изложенія мы и олицетворяемъ коллективность въ государствѣ, то мы при этомъ одинаково отрицаемъ и субъективное право государства и субъективное право индивида.

Такимъ образомъ, заглавіе, которое за неимѣніемъ другого, было дано этимъ лекціямъ, не совсѣмъ точно. Говоря о *соціальномъ правѣ* и объ *индивидуальномъ правѣ*, я не имѣю въ виду предлагать, послѣ тысячи другихъ, новой системы, съ цѣлью примирить права коллективности и права индивида, а хочу только показать, что ни коллективность ни индивидъ не имѣютъ права, и что нѣтъ ни соціального права, ни права индивидуального.

I.

Однако не подумайте, что, по моему мнѣнію, въ соціальному мірѣ нѣтъ ничего ограничивающаго матеріальную силу, что будто я вижу въ нашихъ современныхъ обществахъ лишь конфликты аппетитовъ и столкновение грубыхъ силъ, и что, по-моему мнѣнію, лучше другихъ вооруженный и болѣе сильный индивидъ или общественная группа создаютъ право въ силу самого своего превосходства силы. Я не представляю собою Ницше въ маленькомъ масштабѣ. Наоборотъ, я глубоко убѣжденъ, что люди, въ силу одного того, что они составляютъ часть соціальной группы и даже цѣлаго человѣчества, подчинены нормѣ поведенія, обязательной для нихъ. Я думаю, что индивиды не имѣютъ правъ, что коллективность также ихъ не имѣетъ, но что всѣ индивиды, будучи соціальными существами, обязаны подчиняться соціальной нормѣ, что всякій индивидуальный актъ, нарушающій эту норму, съ неизбежностью вызываетъ общественную реакцію, принимающую сообразно

временамъ и странамъ различныя формы, и что всякій индивидуальный актъ, отвѣчающій этой нормѣ, получаетъ социальную санкцію, также видоизмѣняющуюся, смотря по времени и по странѣ.

Эта социальная норма, какое бы имя и основаніе ей ни давали, несомнѣнно существуетъ, не можетъ не существовать, ибо безъ нея и само общество не существовало бы. Всякое общество есть дисциплина; и такъ какъ человѣкъ не можетъ жить безъ общества, то онъ можетъ жить, лишь подчиняясь дисциплинѣ. Въ мои намѣренія не входитъ доказывать сейчасъ болѣе подробно реальное существованіе этой нормы и опредѣлять ея основанія. Это я попытался сдѣлать въ другомъ мѣстѣ*).

Еще недавно былъ организованъ рядъ лекцій Леона Буржуа, Дарлю, Ро, Жида, въ которыхъ различные лекторы утверждали принципъ солидарности и развивали его главныя примѣненія**). Я также полагаю, что норма права, о которой я говорю, имѣетъ основаніемъ фактъ общественной солидарности, которую я однако понимаю не совсѣмъ такъ, какъ краснорѣчивые ораторы, имена которыхъ я только что назвалъ. Я не вижу, именно, какое отношеніе

*) См. мою книгу *L'Etat, le droit objectif et la loi positive*, 1901, особ. гл. I и II.

**) *Essai d'une philosophie de la solidarité*, conférences et discussions, 1901—1902; *Les applications sociales de la solidarité*, conférences, 1902—1903.

2 къ ней имѣеть идея quasi-контракта, которую часто выдвигаютъ. Я не вижу, въ чемъ понятіе общественной солидарности объясняется этимъ выраженіемъ, точный смыслъ котораго, употребляемый въ техникѣ римскаго права и Гражданскаго кодекса, извращается при такомъ примѣненіи. Въ солидарности я вижу лишь фактъ взаимозависимости (*interdépendance*), соединяющей другъ съ другомъ въ силу общности потребностей и раздѣленія труда членовъ чело- вѣчества и въ частности членовъ одной и той же соціальной группы. Добавлю къ этому, что съ нѣкотораго времени стали такъ злоупотреблять этимъ прекраснымъ словомъ солидарность, что я колеблюсь даже его употреблять. Нѣтъ ни одного деревенскаго политика, который не говорилъ бы объ общественной солидарности, не понимая при этомъ самого значенія этихъ словъ. Поэтому я предпочитаю говорить объ общественной взаимозависимости.

Такимъ образомъ люди подчинены соціальной нормѣ, основанной на соединяющей ихъ взаимозависимости. Существованіе этой нормы необходимо. Если бы ея обоснованность оспаривалась, я не поколебался бы *постулировать* ее, какъ говорятъ философы. Подобно тому, какъ Эвклидъ основалъ всю свою систему геометріи на постулатѣ параллельныхъ, современный чело- вѣкъ можетъ обосновать всю политическую и соціальную систему на постулатѣ нормы поведенія, обязательной для всѣхъ.

Я прибавлю къ этому только два замѣчанія. Прежде всего, эта норма поведенія есть не этическая, а юридическая норма. Она прилагается только къ внѣшнимъ выраженіямъ человеческой воли; она не обязательна для внутренняго міра человѣка; она есть норма его внѣшнихъ актовъ, а не его мыслей и его желаній, — чѣмъ должна быть всякая моральная норма. Болѣе того, она дѣлаетъ для человѣка обязательными только акты, имѣющіе социальную цѣну, и только потому, что они имѣютъ эту цѣну. Наша норма основывается не на идеѣ, которую составляютъ себѣ объ извѣстномъ свойствѣ, какъ таковомъ, запрещаемого или предписываемого акта, а на социальномъ результатѣ, могущемъ произойти отъ того или иного индивидуального акта. Наша норма есть какъ-бы органическій законъ социальной жизни, если впрочемъ давать этимъ выраженіямъ значеніе лишь простой метафоры.

Въ то же время видно, — и это мое второе замѣчаніе, — какое глубокое различіе отдѣляетъ мое пониманіе социальной нормы, которую я называю нормой права, отъ стараго пониманія естественнаго права*). Это послѣднее есть представленіе объ идеальномъ, абсолютномъ, истинномъ, какъ геометрическая истина, правѣ,

*) Ср. отчетъ Гёну о моей книгѣ *L'Etat, le droit objectif* въ *Revue critique de la législation*, 1901, стр. 508.

приблизиться къ которому люди должны по возможности стремиться. Наша норма права, наоборот, не имѣетъ ничего абсолютнаго. Она—не идеаль, а фактъ. Она, по существу своему, измѣнчива, подобно человѣческимъ обществамъ; она вытекаетъ изъ ихъ безконечно мѣняющейся структуры; другими словами, она мѣняется совмѣстно съ разнообразными формами жизни человѣческихъ обществъ.

Наконецъ, традиціонная доктрина естественнаго права покоится на признаніи за всякимъ человѣческимъ существомъ извѣстныхъ правъ, естественно ему принадлежащихъ, въ силу его человѣческаго свойства, въ силу, по выраженію покойнаго Анри Мишеля*), высокаго достоинства человѣческой личности. Это право я энергически отвергаю, такъ какъ это—метафизическія апріорныя понятія, не могущія служить основаніемъ позитивной политической системѣ.

Болѣе того, эта социальная норма не можетъ обосновать настоящихъ правъ ни въ пользу индивида, ни въ пользу общества. Она заключаетъ въ себѣ только полномочіе, принадлежащее индивидамъ, обладающимъ силою, организовать общественную реакцію противъ тѣхъ, кто нарушаетъ эту норму. Она заключаетъ въ себѣ также полномочіе для всѣхъ свободно выполнять вытекающія изъ

*) *L'idée de l'état*, 1896, стр. 646.

нея обязанности. Однимъ словомъ, она не даетъ никому, ни коллективности, ни индивиду, субъективныхъ правъ, т.-е. власти противопоставлять коллективную или индивидуальную личность, какъ таковую. Она только создаетъ для всякаго индивида, въ общественной средѣ, опредѣленное положеніе, тѣсно зависящее отъ положенія другихъ лицъ, принуждающее его къ опредѣленному активному или пассивному поведенію. Изъ нея вытекаетъ для всѣхъ извѣстное состояніе, которое мы могли бы квалифицировать, какъ *объективное положеніе*, и противопоставить его отрицаемому нами *субъективному праву*. Такимъ образомъ никто не имѣетъ въ социальномъ мірѣ другого полномочія, кромѣ выполненія задачи, возлагаемой на него социальной нормой или, если угодно, положеніемъ, занимаемымъ имъ въ системѣ взаимозависимости, соединяющей членовъ одной социальной группы.

Если вы хотите непременно сохранить эти выраженія—*субъективное право* и *объективное право*, я скажу, что нынѣ, по моему мнѣнію, слагается мало-по-малу общество, изъ котораго исключается метафизическое представленіе *субъективнаго права* и замѣняется понятіемъ *объективнаго права*, заключающаго въ себѣ социальную обязанность каждаго выполнять опредѣленную миссію и власть производить дѣйствія, требуемая выполненіемъ этой миссіи.

Эту теорію я развилъ уже семь лѣтъ тому

назадъ*), въ то время, когда, долженъ со-
знаться, я еще не читалъ *Системы позитивной
политики* Огюста Конта. Я еще болѣе былъ
утвержденъ въ ней чтеніемъ слѣдующаго мѣ-
ста, которое слѣдовало бы написать на стѣнѣ
Палаты депутатовъ: „Слово *право*, пишетъ
Огюсть Контъ, должно такъ же быть устранено
изъ настоящаго политическаго языка, какъ сло-
во *причина* изъ настоящаго философскаго язы-
ка. Изъ этихъ двухъ теологико-метафизиче-
скихъ понятій, одно (право) отнынѣ иммо-
рально и анархистично, а другое (причина) ирра-
ціонально и софистично... Настоящее право мо-
гло существовать лишь постольку, поскольку
проистекали отъ сверхъестественныхъ волю
правомѣрныхъ власти. Чтобы бороться противъ
этихъ теократическихъ авторитетовъ, метафи-
зика пяти послѣднихъ вѣковъ ввела мнимыя
человѣческія права, оказавшія лишь отрицатель-
ныя заслуги. Когда же имъ попытались дать
истинно органическое назначеніе, то они скоро
обнаружили свою анти-соціальную природу,
постоянно стремясь сдѣлать индивидуальность
священной. Въ положительномъ состояніи, не
признающемъ небесныхъ титуловъ, идея права
безвозвратно исчезаетъ. Каждый имѣетъ долгъ,
и притомъ по отношенію ко всѣмъ, но никто
не имѣетъ права въ собственномъ смыслѣ

---

*) См. уже цитированную книгу *L'Etat, le droit objec-
tif et la loi positive*, 1901.

слова... Иначе говоря, никто не владѣеть другими правами, кромѣ права всегда выполнять свой долгъ“*).

Такимъ образомъ на основѣ исключенія субъективныхъ правъ создается новый политическій и социальный строй. Я и попытаюсь показать это въ послѣдующемъ изложеніи.

II.

Я уже опредѣлилъ *субъективное право*, какъ признанную за лицомъ власть противопоставлять себя, какъ таковое, другимъ лицамъ, при чемъ это лицо можетъ быть и индивидуальнымъ и коллективнымъ. О лицѣ - носителѣ права говорятъ, что оно есть *субъектъ* этого права; о лицѣ, которому противопоставляютъ право, иногда говорятъ, что оно есть пассивный *субъектъ* этого права. Опредѣленіе, данное мною субъективному праву, представляется часто съ вариантами, въ которыхъ легко замѣтить вліяніе гегеліанской доктрины. Такъ, говорятъ иногда, что субъективное право есть власть коллективной или индивидуальной воли противопоставлять себя, какъ таковую, дру-

*) Auguste Comte, *Système de politique positive*, изд. 1895, I, стр. 361.

гой волѣ*). Это опредѣленіе сводится къ предшествующему, такъ какъ въ этомъ случаѣ обращаютъ вниманіе лишь на наиболѣе яркое выраженіе личности, на актъ воли. Этимъ опредѣленіямъ противопоставляютъ доктрину Іеринга, хорошо извѣстная формула которой гласитъ: „права суть юридически защищенные интересы**). Іерингъ хочетъ этимъ сказать: интересы, защищенные урегулированнымъ вмѣшательствомъ коллективной силы. На этомъ опредѣленіи одинъ очень тонкій ученый, Мишу, попытался создать цѣлую теорію, имѣющую въ виду доказать, что существованіе субъективнаго права не требуетъ существованія воли, являющейся носителемъ этого права, и что, слѣдовательно, и элементы, лишенные воли, могутъ имѣть юридическую личность***). Но Мишу не обратилъ вниманія на то, что положеніе Іеринга если и не ошибочно, то во всякомъ случаѣ не полно. Субъективное право можетъ, дѣйствительно, имѣть опорой интересъ; но этотъ интересъ можетъ дать начало праву только въ томъ случаѣ, когда онъ желателенъ, и только для того лица, которому онъ желателенъ. Опредѣленіе Іеринга, въ концѣ

---

*) Jellinek, *System der subjektiven öffentlichen Rechte*, 2-е изд., 1905, стр. 4.

**) Ihering, *Esprit du droit romain*, франц. изд., 1878, IV, стр. 326.

***) Michoud, *Théorie de la personnalité morale*, 1906.

концовъ, согласно съ нашимъ, и сущность субъективнаго права есть именно власть воли, *Wollendürfen*, *Wollenkönnen*, какъ говорятъ нѣмцы *).

Изъ этого видно, что признаніе субъективныхъ правъ заключаетъ въ себѣ признаніе существованія воли, являющихся, какъ таковыя, въ силу своего особаго свойства, высшими по сравненію съ другими волями. Когда, напирмѣрь, говорятъ, что государственная власть или собственность суть субъективныя права, то это или не имѣетъ смысла, или это значить, что воля лица - носителя права государственной власти или права собственности выше, по своей природѣ, воли лицъ, которымъ противопоставляется право государственной власти или право собственности. И здѣсь ясно выступаетъ, насколько метафизично и схоластично это понятіе субъективнаго права. Появляются на сцену всѣ пустыя понятія, не имѣющія сущности и субстанціи. И Огюсть Контъ былъ сто разъ правъ, говоря, что понятіе (субъективнаго) права возможно лишь при допущеніи сверхъ-земной власти, дарующей эти права, но что оно не можетъ быть сохранено въ позитивной стадіи общей эволюціи человѣческихъ обществъ.

---

*) Я не стану искать слишкомъ неуловимаго различія, которое они устанавливають между этими двумя выраженіями. Ср. Jellinek, *System*, 2-е изд., 1905, стр. 47.

Если это понятие субъективнаго права удержалось до нашихъ дней, то только вслѣдствіе твердой брони, въ которую одѣли его римскіе юристы. Изъ фактической власти, принадлежащей лицамъ, обладающимъ большей силой, подчинять себѣ индивидовъ обладающихъ меньшей силой, они создали два субъективныхъ права, *imperium* или государственную власть, когда эта власть принадлежитъ коллективности или ея представителямъ, и *dominium* или собственность, когда эта власть принадлежитъ индивидамъ. И отдѣльныя части доктрины были такъ крѣпко соединены между собою, что долгое время въ нихъ видѣли, а многіе и до сихъ поръ видятъ абсолютныя истины, между тѣмъ какъ это были лишь случайныя рѣшенія соціальныхъ проблемъ совсѣмъ не сходныхъ съ тѣми, которыя ставятся нынѣ.

Imperium есть абсолютное, недѣлимое субъективное право приказывать, существующее само по себѣ. Это—государственная власть, подчиняющая себѣ на томъ только основаніи, что она государственная власть. Она принадлежала общинѣ, римскому народу, императору; это не важно. Важно то, что представитель коллективности, надѣленный *imperium*'омъ, дѣлаетъ обязательной свою волю, и это составляетъ его право. Это воля выражается въ различныхъ формахъ: она законодательствуетъ, управляетъ, судить. Всѣ эти качества не затрагиваютъ существеннаго характера этой воли:

она можетъ подчинять себѣ индивидовъ, такъ какъ она стоитъ выше ихъ собственной воли.

Что касается правъ индивида, они синтетизируются въ *dominium*'ѣ, конструкція котораго, быть-можетъ, еще болѣе крѣпко построена, чѣмъ конструкція *imperium*'а. Это — абсолютное право, принадлежащее нѣкоторымъ индивидамъ, располагать извѣстнымъ количествомъ богатства и требовать отъ всѣхъ уваженія къ этому праву. Это право абсолютно въ своихъ результатахъ: оно заключаетъ въ себѣ право пользоваться, потреблять и располагать. Это право абсолютно въ своемъ осуществленіи: уваженіе къ нему обязательно для всѣхъ. Это право абсолютно въ своей продолжительности: для него не существуетъ предѣльнаго срока, ни условій его прекращающихъ; и оно заключаетъ въ себѣ власть располагать и послѣ кончины. Съ другой стороны, ни на кого не можетъ быть возложена повинность въ пользу другого индивида и никто не можетъ требовать отъ кого бы то ни было выполненія повинности, если только не было заключено договора или *quasi*-договора, въ рамкахъ, законно признанныхъ. Есть только одно исключеніе изъ этого: воля можетъ быть принуждена и безъ договора, если было совершено извѣстное правонарушеніе.

Такимъ образомъ вся система была прочно воздвигнута на метафизическомъ апріорномъ понятіи субъективнаго права. Она пережила

вѣка. Однако въ феодальный періодъ *imperium* и *dominium* были значительно умалены, и въ теченіе очень короткаго момента нашей исторіи, въ XIII вѣкѣ, можно было видѣть обширное, очень космополитичное общество, іерархизованное и интегрированное, изъ котораго почти совершенно были исключены римскія понятія государственной власти и абсолютной собственности, *imperium* и *dominium*. Но мало-по-малу французская монархія и ея легисты снова ихъ создали. Къ концу XVIII вѣка зданіе снова было цѣликомъ построено; Революціи и Наполеону оставалось лишь войти въ него. *Imperium* и *dominium* были конструированы въ революціонномъ законодавствѣ, въ административныхъ законахъ Консулата и Имперіи и особенно въ Гражданскомъ кодексѣ, по римскому образцу, и притомъ еще болѣе солидно и устойчиво, чѣмъ это было раньше.

Но, думается мнѣ, это было въ послѣдній разъ. Я полагаю и постараюсь это показать въ послѣдующемъ изложеніи, что нынѣ французское общество окончательно освобождается отъ метафизическихъ понятій *dominium*'а и *imperium*'а, и что вырабатывается политической строй, изъ котораго будетъ совершенно изъято понятіе государственной власти, и экономической и социальный режимъ, изъ котораго будетъ совершенно изгнано понятіе *dominium*'а, т. е. понятіе собственности, какъ субъективнаго права

индивида. Я не говорю, что индивидуальная собственность исчезнет; я говорю только, что оно перестанет быть индивидуальным правом и сдѣлается соціальной функціею. Я впрочемъ остановлюсь исключительно на вопросѣ о преобразованіи политическаго режима.

III.

Я очень хорошо знаю, насколько парадоксально для юриста и особенно для профессора государственнаго права защищать то положеніе, что государственной власти не существуетъ, что это понятіе не отвѣчаетъ реальности и что, къ счастью, оно мало-по-малу исчезаетъ и несомнѣнно исчезнетъ въ очень близкомъ будущемъ. И однако я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Государственная власть есть лишь пустая схоластическая форма, понятіе, одно время отвѣчавшее потребности, оказавшее услуги, но нынѣ бесполезное и опасное.

Для того, чтобы убѣдиться, что утвержденіе существованія государственной власти есть чистое аргюі, достаточно познакомиться съ тезисами наиболѣе ученыхъ представителей государственнаго права въ Германіи и во Франціи. Я процитирую изъ нихъ только двоихъ: Еллинека для Германіи и Эсмена для Франціи. Первый пишетъ: „Государственная власть есть перво-

начальная господствующая власть, власть господствующая въ силу собственного своего могущества и собственного права“ *). И Эсмень: „Именно существованіе въ обществѣ людей, имѣющихъ высшую власть надъ индивидуальными волями, составляетъ, юридически, изъ общества націю. Эта власть, которая естественно не признаетъ высшей или конкурирующей власти въ регулируемыхъ ею отношеніяхъ, называется суверенитетомъ“ **). Эсмень говоритъ о суверенитетѣ; Еллинекъ о государственной власти. Я не буду искать, есть ли разница между этими двумя выраженіями ***). Оба ученые автора, очевидно, имѣютъ въ виду повелѣвающую власть олицетворенной коллективности, и ихъ формула есть, какъ мы видимъ, только апріорное утвержденіе этой государственной власти, понятой, какъ субъективное право ****).

*) Jellinek, *Allgemeine Staatslehre*, 2 изд. 1906, стр. 446.

**) Esmein, *Droit constitutionnel*, 4 изд. 1906, стр. 1.

***) Ср. Леонъ Дюги, *Конституціонное право*, М. 1908, стр. 150—194 и указанная тамъ библиографія.

****) По вопросу о суверенитетѣ ср. *Libres entretiens*. 17 ноября 1907, *Etat et gouvernement*. — Мы можемъ съ удовольствіемъ констатировать, что Ориу сдѣлалъ въ 6 и послѣднемъ изданіи своего *Droit administratif* (1907) очень чувствительный шагъ къ полному отрицанію суверенитета. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. IX своего предисловія онъ пишетъ: „Такимъ образомъ, пришелъ моментъ разсматривать государство не какъ суверенитетъ и не какъ законъ, а какъ учрежденіе или какъ совокупность учрежденій или,

Однако были попытки оправдать эту повелѣвающую власть. Было найдено только два объясненія, — божественное право и народный суверенитетъ. О божественномъ правѣ не стоитъ даже и говорить. Это объясненіе, очевидно, не имѣетъ цѣны. Но и оправданіе національной волей не стоитъ большаго. Огюсть Контъ вполне правильно писалъ: „Однимъ словомъ, этотъ законъ (законъ позитивной политики) исключаетъ съ одинаковой настойчивостью и богословскій произволь, или божественное право королей, и метафизическій произволь или суверенитетъ народа“. Такимъ образомъ, уже болѣе полувѣка тому назадъ Огюсть Контъ своей могучей рукой потрясъ догму національнаго суверенитета *). Всѣ дог-

еще болѣе того, какъ учрежденіе учреждений. Само собой разумѣется, мы не скажемъ: „нѣтъ болѣе суверенитета“, или „нѣтъ болѣе закона“, или „суверенитетъ или законъ не являются существенными элементами государства“. Мы считаемъ, по прежнему, суверенитетъ и законъ существенными элементами государства, но они не стоятъ уже на первомъ планѣ и не играютъ первой роли въ практической комбинаціи силъ“. Не маловаженъ фактъ, что теоретики по преимуществу государственной власти признаютъ, что суверенитетъ и законъ не стоятъ на первомъ планѣ и не играютъ первой роли. Ср. Max. Leroy, *Les transformations de la puissance publique*, 1907.

*) *Système de politique positive*, изд. 1895, прибавленіе, стр. 113. Раньше Конта Сень-Симонъ писалъ: „Выраженіе суверенитетъ волею народа имѣетъ значеніе лишь оппозиціи къ суверенитету Божіею милостію... Обѣ эти антагонистическія доктрины имѣютъ лишь взаимное существованіе.“

мы, будутъ ли онѣ религіозными или политическими, умираютъ такимъ образомъ однѣ послѣ другихъ и, какъ показалъ это Сеайль *), не возрождаются.

Однако до сихъ поръ еще пытаются оправдать принципъ національнаго суверенитета, и всѣ объясненія, которыя ему даютъ, сводятся къ софизму Руссо. Правда, не говорятъ болѣе объ общественномъ договорѣ; выраженіе вышло изъ моды. Но говорятъ о добровольномъ участіи индивидовъ въ коллективности; а общественный договоръ Ж. Ж. Руссо не былъ чѣмъ-нибудь инымъ. „Посредствомъ договора, говоритъ Жанъ-Жакъ, образуется моральное и коллективное тѣло.., которое получаетъ изъ этого самаго акта свое единство, *свое совокупное я*, свою жизнь, свою волю. Это публичное лицо, образующееся вслѣдствіе соединенія всѣхъ другихъ, нѣкогда называлось общиной, а нынѣ называется республикой или политическимъ тѣломъ, которое въ

Это остатки долгой метафизической войны, имѣвшей мѣсто во всей Западной Европѣ, съ эпохи Реформы, противъ политическихъ принциповъ феодальнаго режима... Метафизика духовенства привела въ движеніе метафизику легистовъ, имѣвшую цѣлью борьбу противъ нея. Но эта борьба нынѣ окончена“ (*Du système industriel, 1-re lettre au roi, Oeuvres*, изд. Dentu, 1869, V, стр. 210 – 211).

*) Séailles, *Les affirmations de la conscience moderne*, 1906, статья, озаглавленная: *Pourquoi les dogmes ne renaissent pas?* стр. 1 и сл.

пассивномъ состояніи называется своими членами государствомъ, а въ активномъ — сувереномъ“ *)...

Если сблизить это хорошо извѣстное мѣсто изъ Руссо съ послѣднимъ обоснованіемъ національнаго суверенитета, то можно убѣдиться, что оно отличается отъ него лишь формою: „Национальный суверенитетъ, пишетъ Эсменъ, есть единственное юридическое толкованіе точное и адекватное неоспоримому и обязательному соціальному факту (власти общественнаго мнѣнія)... Помѣстить *легальный суверенитетъ* тамъ, гдѣ съ необходимостью находится суверенитетъ факта или мнѣнія... значить юридически выразить, по возможности точно, неизбежный фактъ. Признать національный суверенитетъ... значить дать общественному мнѣнію высшую силу, точное выраженіе, юридическую цѣну, легальный авторитетъ“ **).

Эти объясненія походятъ на объясненія прежнихъ психологовъ, которые, чтобы найти основаніе феноменамъ психологическаго порядка, помѣщали за ними мыслящую субстанцію, которую называли душою. Политическіе теоретики, чтобы оправдать фактическое состояніе, правительственную силу, утверждаютъ существованіе за нею суверенной субстанции,

*) *Contrat social*, I, 6.

***) *Esmein, Droit constitutionnel*, 4 изд., 1906, стр. 211.

личности націи. Они говорятъ о національной душѣ, какъ о суверенной субстанціи, и объ ея атрибутахъ, какъ нѣкогда говорили объ индивидуальной душѣ, мыслящей субстанціи и объ ея способностяхъ. Все это лишь схоластическія формулы*), исчезающія при простомъ изслѣдованіи дѣйствительности. Нѣтъ необходимости, чтобы доказать это, настаивать на этомъ съ большей подробностью.

Всѣ согласны съ тѣмъ, что преимущественное выраженіе государственной власти есть законъ. Какъ же законъ въ дѣйствительности создается? Если онъ вотируется непосредственно народомъ, то съ необходимостью образуется большинство и меньшинство, и законъ вотируется большинствомъ. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, законъ не есть истеченіе

---

*) Лефюръ, напримѣръ, пишетъ въ своей прекрасной книгѣ, *L'Etat fédéral*, стр. 596: „Это различіе между субстанціей суверенной, единой и недѣлимой, могущей принадлежать лишь моральному лицу, въ свою очередь единому и недѣлимому, т. е. государству, и осуществленіемъ суверенитета, вполне дѣлимаго, существенно“ (ср. стр. 601 и 650). Выраженіе *атрибутъ суверенитета* часто встрѣчается въ *Eléments de droit constitutionnel* Эсмена, напр., 4-е изд. 1906, стр. 6, 19, 218, 222, 223, 224 и т. д. Всякому же извѣстно, какое важное мѣсто въ схоластической философіи занимали эти понятія субстанціи и атрибутовъ. Святой Тома опредѣлялъ субстанцію: „Essentiam cui competit sic esse, id est, per se esse“ (*Somme théologique*, part. I, qu. III, art. 5, изд. Lachas, I, стр. 66). Эту философію въ настоящее время преподають лишь въ семинаріяхъ.

изъ общей воли; онъ создается только большинствомъ индивидовъ, составляющихъ народное собраніе. Руссо и, послѣ него, политическіе дѣятели и теоретики говорили: „Когда торжествуетъ мнѣніе противоположное моему, то это доказываетъ лишь то, что я ошибался, и что то, что я считалъ общей волей, не является таковой⁴. Утвержденіе смѣлое. Кому не видно, что это чистый софизмъ? Фактъ остался фактомъ: законъ, вотированный народнымъ собраніемъ, есть законъ, вотированный большинствомъ; это — воля опредѣленнаго числа индивидовъ, стремящаяся подчинить себѣ, какъ таковыхъ, другихъ индивидовъ. Но, скажете вы, это собраніе есть лицо, волю котораго выражаетъ большинство, и обязательна именно эта воля. Вамъ однако нисколько это не извѣстно. Вы утверждаете существованіе этой коллективной воли, но вы его не доказываете; и если позитивная психологія окончательно отвергла понятіе индивидуальной души,^{*)} то я не вижу, какимъ образомъ политика можетъ сохранить понятіе коллективной души. Существуетъ законъ, вотированный большинствомъ, напр., вотированный 10,000 гражданъ и обязательный для 5000 другихъ; но и только, болѣе этого ничего не существуетъ. Что сила числа есть фактъ и фактъ первичной важности, это неоспоримо. Что слѣдуетъ обеспе-

---

*) Ср. особенно Binet, *L'âme et le corps*, 1906.

читать за всѣми власть участвовать въ созданіи законовъ, я готовъ подписаться обѣими руками. Но я абсолютно отрицаю, чтобы сила числа создавала субъективное право государственной власти.

Еще яснѣе вопросъ съ представительнымъ строемъ. Даже въ странахъ, пользующихся всеобщимъ избирательнымъ правомъ, законъ обыкновенно вотируется такимъ числомъ депутатовъ, которое представляетъ меньшинство не только страны, но и избирательнаго корпуса. Это часто было доказано, и я лишь бѣгло коснусь этого вопроса. Французскій избирательный корпусъ насчитываетъ около 11 милліоновъ избирателей, между тѣмъ Палата депутатовъ, избранная въ 1902 году, представляла всего 5 милліоновъ избирателей, т.-е. около 47% избирательнаго корпуса, и чрезвычайно важный законъ 9 декабря 1905 г. объ отдѣленіи церкви и государства былъ вотированъ 341 депутатами, представлявшими 2,647,315, избирателей, т.-е. менѣе четверти избирательнаго корпуса*).

Очень часто уже указывалось, насколько фиктивна и опасна ложная догма національнаго суверенитета, основанная на законѣ числа, и я не хочу снова останавливаться на этомъ**). Но я не могу не процитировать, что

*) *Le Proportionnaliste*, 1 juillet 1905.

***) Для Эсмена, наоборотъ, „законъ большинства есть одна изъ тѣхъ простыхъ идей, которыя должны быть при-

сказалъ по этому поводу предсѣдатель совѣта министровъ, Клемансо, въ краснорѣчивой рѣчи, произнесенной имъ 11 февраля 1900 года при открытіи памятника Шереру-Кестнеру. Напоминая о роли, которую игралъ великій гражданинъ въ дѣлѣ Дрейфуса, предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ: „жребій былъ брошенъ. Уже толпа инстинктивно бѣжала къ партіи Варравы. Здѣсь мысль останавливается съ тоскою. Число, всеобщее избирательное право заблуждается! Не самый ли законъ демократіи подвергнуть сомнѣнію? Какъ! мы требуемъ для общественнаго мнѣ-

---

няты сразу; онъ представляетъ ту отличительную черту, что онъ никому заранѣе не благопріятствуетъ и всѣхъ во-тирующихъ сводитъ къ одному рангу“ (*Droit constitutionnel*, 4-е изд., 1906, стр. 225). Вотъ что Прудонъ думалъ о *мажоритарномъ* избирательномъ правѣ: „Если монархія есть молотъ, раздробляющій народъ, демократія есть лопата, ее раздѣляющая; и та и другая одинаково убиваютъ свободу. Всеобщее избирательное право есть родъ атомизма, благодаря которому законодатель, не будучи въ состояніи заставить народъ говорить въ единствѣ своего существа, приглашаетъ гражданъ выражать свое мнѣніе поголовно, *viritem*... Это политическій атеизмъ въ самомъ дурномъ значеніи слова, какъ будто изъ сложенія какого бы то ни было количества поданныхъ голосовъ могла когда-нибудь возникнуть общая воля... Наиболѣе вѣрное средство заставить народъ лгать—это установить всеобщее избирательное право... Чтò бы ни дѣлали и ни говорили, всеобщее избирательное право, свидѣтельство раздора, можетъ произвести только раздоръ“ (*Solution du problème social*, т. VI, *Oeuvres complètes*, 1868, стр. 62 и 63).

нія правительственной власти и мы прославляемъ того, кто осмѣлился ему противостоять; мы прославляемъ побѣду одного надъ большинствомъ... Ну такъ что же? Нѣтъ, успѣвшимъ сказать, демократія не есть правительство числа, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается слово правительство сторонниками автократіи... Необходимо, чтобы демократія прежде всего была правительствомъ разума, такъ какъ основная проблема, которую она ежечасно ставитъ, заключается въ томъ, чтобы привести человѣка къ возможности управлять самимъ собою, сообразно средней общей способности разсужденія. Эту измѣнчивую средину мы стараемся открыть болѣе или менѣе счастливо изъ ряда послѣдовательно создаваемаго большинства. Но если бы мы ожидали отъ временнаго большинства осуществленія власти, принадлежавшей нашимъ прежнимъ королямъ, то мы только перемѣнили бы тирана. *)

---

*) *Journal officiel*, 13 февраля 1908.

IV.

Революція, закончившаяся въ 1848 году, сдѣлала не что иное, какъ дала націи, или скорѣе большинству, выражающему ея мнимую волю, пользованіе властью, принадлежавшею нашимъ прежнимъ королямъ. Революція, говорятъ, на мѣсто божественнаго права короля, поставила божественное право народа. Если понимать эту формулу буквально, она не точна. Однако она очень хорошо выражаетъ историческую истину: она обозначаетъ, что революція взяла понятіе государственной власти въ томъ видѣ, въ какомъ заимствовали его изъ римскаго права и реставрировали въ пользу короля легисты старой Франціи, при чемъ революція приняла эту государственную власть со всѣми ея характерными признаками абсолютнаго, недѣлимаго, неотчуждаемаго и непогашаемаго права, измѣнивши только ея носителя. Раньше государственная власть принадлежала королю; отнынѣ она будетъ принадлежать олицетворенной націи, выражающей свою волю черезъ посредство большинства избирательнаго корпуса.

Здѣсь не мѣсто указывать, какимъ образомъ выработалось въ нашей исторіи это понятіе государственной власти. Я напому только, что оно явилось, какъ отвѣтъ на по-

требность въ объединеніи и сляніи различныхъ соціальныхъ элементовъ. Никогда римская идея *imperium'a* не исчезала совершенно въ эпоху феодальнаго режима. По мѣрѣ того, какъ французскій король расширялъ свою область, идея утверждалась все съ большей опредѣленностью. И такъ какъ по феодальнымъ воззрѣніямъ власть тѣсно соединена съ собственностью, то коронные легисты разработали теорію королевскаго суверенитета, сливши въ ней элементы *imperium'a* и *dominium'a*. Суверенитетъ дѣлается субъективнымъ правомъ, носящимъ отчасти патримоніальный характеръ, и принадлежащимъ королю; причемъ это право недѣлимо, неотчуждаемо, вѣчно, абсолютно въ своихъ результатахъ и въ своей продолжительности. Бодень *), Луазо **) и Лебре ***) были его теоретиками въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ. Дѣятели революціи приняли эту теорію и лишь прибавили, что носителемъ этого субъективнаго права суверенитета является не король, а нація. Въ остальномъ ничто въ теоріи не было измѣнено. Король былъ лицомъ; нація то же дѣлается лицомъ. Ея право, подобно праву короля, становится абсолютнымъ въ своихъ ре-

*) *Les six livres de la République*, франц. изд., Lyon, 1693.

**) *Traité des seigneuries et Traité des offices*, Paris, 1640.

***) *De la souveraineté du roi*, Paris, 1642.

зультатахъ и въ своей продолжительности. Оно точно такъ же недѣлимо, неотчуждаемо, непогашаемо. Декларация права 1789 г., конституціи 1791, 1793, III и 1848 гг. провозгласили эти принципы *). На основаніи этихъ текстовъ, французскіе и нѣмецкіе юристы вырабатываютъ теорію суверенитета и создаютъ стройную юридическую конструкцію по всѣмъ правиламъ старой юридической техники: суверенитетъ есть субъективное право давать безусловные приказы; государство есть олицетворенная нація, имѣющая опредѣленную территорію и являющаяся носителемъ этого права.

Скажутъ, что это и есть настоящая демократическая доктрина. Да. Но въ то же самое время это — та доктрина, которая нѣмецкимъ легистамъ служить для того, чтобы обосновать всемогущество императора, якобинцамъ, чтобы оправдать всемогущество Конвента, и коллективистамъ, чтобы требовать отъ всемогущаго государства конфискаціи орудій производства и усиленія благодаря этому своего могущества **).

Съ принятіемъ этого регального воззрѣнія, дѣйствительно, государство дѣлается грозной

*) Декларация правъ 1789, ст. 3; конст. 1791, тит. III, вв., ст. 1; конст. 1793, ст. 1 и 7; конст. III г., ст. 1 и 2; конст. 1848, ст. 1.

***) Ср. книгу G. Dazet, *Lois collectivistes pour 19...*, 1907.

властью. Государственная власть, достаточно могущественная, когда она воплощается въ одномъ челоуѣкѣ, дѣлается безграничной, когда она воплощается въ націи. Въ этомъ случаѣ государство по истинѣ есть Левіаѳанъ Гоббеса *). Оно все поглощаетъ; оно все уравниваетъ; оно всѣмъ распоряжается; „оно не терпитъ рядомъ съ собою никакой независимой жизни“ **) и подъ предлогомъ равенства, оно желаетъ, чтобъ подъ нимъ была лишь пыль безсильныхъ и безоружныхъ индивидовъ.

Для того, чтобы ограничить это всемогущество государства, пытались формулировать теорію индивидуальныхъ правъ. Ихъ провозглашали въ торжественныхъ деклараціяхъ; и конституція 1791 г. (тит. 1) опредѣленно запрещала „законодателю издавать законы, которые наносили бы ущербъ естественнымъ правамъ (челоуѣка)“. Это была благородная идея, и я думаю, что декларація правъ 1789 г. была единственнымъ въ своемъ родѣ моментомъ въ міровой исторіи. Но было бы химерично полагать, что этимъ можно дѣйствительно ограничить дѣйствіе государства. Прежде всего доктрина индивидуальныхъ правъ не выдер-

---

*) Знаменитая книга Гоббеса появилась по-англійски въ 1651 г. подъ заглавіемъ: *Leviathan or the matter, form and power of a commonwealth*. Ср. *De cive*, 1649.

**) Ed. Berth, *Le Mouvement Socialiste*, 3-e série, I, стр. 6.

живается теоретической критики. Это часто уже съ успѣхомъ доказывалось, и я на этомъ не буду останавливаться *). Съ другой стороны, не было средства практически организовать дѣйствительный отпоръ вторженіямъ государства-суверена въ сферу правъ индивида. Примѣръ Сената-Охранителя въ эпоху Консулата и Имперіи служить этому доказательствомъ. Наконецъ, такъ какъ государство всегда можетъ ограничить права каждаго въ интересѣ правъ всѣхъ и такъ какъ оно одно является судьей этого ограниченія, то въ дѣйствительности нѣтъ другихъ границъ его дѣйствія, кромѣ тѣхъ, которыя оно само себѣ полагаетъ **). Такъ Декларация правъ не помѣшала ни кровавой тираніи Конвента, ни деспотизму Наполеона, ни государственному перевороту 1851 года, ни законамъ объ общественной безопасности Второй Имперіи ***), ни законамъ произ-

---

*) Ср. Дюги, *Конституціонное право*, М. 1908 г., стр. 5 и сл.

**) Ж. Ж. Руссо говоритъ очень опредѣленно: „Слѣдуетъ согласиться, что изъ всего, что каждый отчуждаетъ путемъ общественнаго договора изъ своей власти, изъ своего имущества, изъ своей свободы, обществу важно пользоваться только частью... Но нужно согласиться, что единственнымъ судьей этого является суверень“. *Contrat social*, II, 4 (*Границы суверенной власти*).

***) Законъ 9 іюля 1852 г., допускавшій запрещеніе административнымъ путемъ права жительства въ департаментъ Сены и въ Ліонскомъ округѣ, и особенно законъ объ об-

вольнаго измѣненія судебной компетенціи *) и насильственнаго отнятія имущества **) при Третьей республикѣ.

Таковъ политическій строй, вышедшій изъ римскаго права и завершенный революціей. Но люди XX вѣка не хотятъ болѣе такой государственной формы. Они не хотятъ ея потому, что она покоится на догмѣ, а они не вѣрятъ болѣе въ догмы какого бы то ни было рода. Они не хотятъ ея потому, что она есть орудіе владычества и во всякій моментъ можетъ сдѣлаться тираніей.

Я энергично отвергаю большую часть доктринъ *революціоннаго синдикализма* (объ этомъ

пещественной безопасности 25 февраля 1858 г. (нашедшій въ сенатѣ только одного несогласнаго), допускавшій ссылку, по рѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаменты Франціи или Алжира и высылку изъ предѣловъ французской территоріи.

*) Законъ 1 марта 1899 г., измѣнившій ст. 445 Кодекса уголовнаго судопроизводства, предложенный правительствомъ и вотированный палатами съ цѣлью изъять изъ разсмотрѣнія Уголовной Палаты Кассационнаго Суда первую просьбу о пересмотрѣ процесса Дрейфуса, которая по праву подлежала разсмотрѣнію этой палаты. См. изложеніе правительственныхъ мотивовъ и докладъ Бисейля въ Сенатѣ (*Journal officiel*, 31 янв. 1899 г., *Déb. parlement.* и *Doc. parlement.*, Сенатъ, стр. 75). Въ своемъ докладѣ Палатѣ Рено Морлиеръ имѣлъ мужество, дѣлающее великую честь его памяти, бороться противъ законопроекта (*Jour. offic.*, 1899 г., *Doc. parl.*, стр. 177).

**) Законъ 7 іюля 1904 г., несомнѣнно носить такой характеръ. Онъ объявляетъ распущенными всѣ конгрегаціи,

я остановлюсь въ своей третьей лекціи); но я готовъ однако подписаться подъ тѣмъ, что сказаль въ *Mouvement Socialiste* Эдуардъ Бертъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой школы: „Во Франціи понятіе государства подверглось, какъ извѣстно, въ рабочемъ классѣ громадному ущербу... Произошла неслыханная вещь, событіе неизчислимаго значенія, именно смерть этого фантастическаго, ужаснаго существа, занимавшаго столь колоссальное мѣсто въ исторіи..., государство умерло“ *).

Да, государство умерло; или скорѣе мало-по-малу умираетъ его римская, регальная, якобинская, наполеоновская, коллективистская

разрѣшенныя, какъ конгрегаціи, занимающіяся исключительно преподавательскою дѣятельностью (ст. 1, § 2). Ст. 5 регулируетъ способъ ликвидаціи распускаемыхъ такимъ образомъ конгрегацій; она гласитъ въ § 2: „За вычетомъ пенсій, предусмотрѣнныхъ закономъ 24 мая 1825 г., плата за имущества, прибрѣтенныя возмезднымъ путемъ, или за тѣ, которыя не будутъ возвращены жертвователямъ, будетъ служить для увеличенія государственныхъ субсидій на постройку и увеличеніе школьныхъ зданій или на уплату наемной платы“. Разумѣется, законодатель можетъ, въ видѣ общей мѣры, измѣнить институтъ собственности. Но послѣдній законъ явился спеціальнымъ постановленіемъ, измѣняющимъ назначеніе имущества, законно прибрѣтенныхъ, и при этомъ измѣняющимъ его съ нарушеніемъ законныхъ актовъ индивидуальной воли, лежавшихъ въ основаніи этихъ учрежденій. Подобный законъ является настоящимъ грубо-насильственнымъ отнятіемъ имущества.

*) *Mouvement socialiste*, октябрь 1907, 3 серия, I, стр. 314.

форма, которая въ различныхъ видахъ есть постоянно одна и та же государственная форма. Но въ то же время создается другая болѣ широкая, эластичная, охранительная и человѣческая форма государства, элементы которой мнѣ и предстоитъ опредѣлить.

Этихъ элементовъ два: понятіе социальной нормы, обязательной для всѣхъ, или *объективное право* и *децентрализація* или *синдикалистскій федерализмъ* *). Изученіе ихъ и составить предметъ двухъ послѣдующихъ лекцій.

---

*) Ср. Max. Leroy, *Les transformations de la puissance publique*, 1907 (рус. пер. Максимъ Леруа, *Эволюція государственной власти*, М., 1908); L. Rolland, *Revue du droit public*, 1907, стр. 265.

Вторая лекція.

I. Государственная власть есть простой фактъ.—II. Истинная природа закона.—III. Критика нѣкоторыхъ возраженій.—IV. Обязанности правящихъ.—V. Истинная природа административныхъ актовъ.—VI. Критика возраженій.—VII—VIII. Отвѣтственность государства.

Господа!

Въ концѣ прошлой лекціи я сказалъ, что римская и регальная форма государства исчезаетъ и уступаетъ мѣсто болѣе гибкому, болѣе гуманному и болѣе охраняющему индивида политическому строю, покоющемуся на двухъ элементахъ: съ одной стороны, на понятіи объективнаго права или соціальной нормы, основывающейся на фактѣ взаимозависимости, соединяющей членовъ челоуѣчества и въ частности членовъ одной общественной группы, нормы обязательной для всѣхъ, слабыхъ и сильныхъ, большихъ и малыхъ, правящихъ и управляемыхъ, — съ другой стороны, на децентрализаціи или синдикалистскомъ федера-

лизмъ. Я думаю, что мы подвигаемся къ нѣ-
котораго рода федерализму классовъ, органи-
зованныхъ въ синдикаты, и полагаю, что этотъ
федерализмъ будетъ соединенъ въ извѣстной
комбинаціи съ существованіемъ центральной
власти, попрежнему сохраняющейся, попреж-
нему живой, но имѣющей совсѣмъ иную при-
роду и дѣйствіе, чѣмъ тѣ, которыя принадле-
жали регальному государству, и сводящейся
къ контролю и надзору.

Эту эволюцію центральной власти на основѣ
объективнаго права я резюмирую въ слѣдую-
щихъ четырехъ положеніяхъ:

1. Государственная власть перестаетъ быть
правомъ. Признается, что она лишь фактъ.
Государство перестаетъ быть юридическимъ
лицомъ, надѣленнымъ субъективнымъ правомъ
приказывать. Фактъ государства существуетъ
тогда, когда въ опредѣленномъ обществѣ ин-
дивидъ или группа индивидовъ или большин-
ство монополизируютъ наибольшую силу. Я
называю этихъ лицъ правящими.

2. Эти люди, индивиды или группы, монопо-
лизируютъ наибольшую силу, не имѣютъ ни-
какого права. Но, будучи членами общества,
они подчинены нормѣ права, основаніе и объ-
емъ которой мы опредѣлили въ началѣ первой
лекціи, и, какъ таковыя, они обязаны употре-
блять силу, которой они располагаютъ, на
обеспеченіе уваженія и примѣненія нормы
права.

3. Они могутъ дѣлать свою волю обязательной для другихъ индивидовъ не абсолютнымъ образомъ, потому что иначе это была бы высшая воля, а чисто относительно, такъ какъ ихъ воля обязываетъ только въ той степени, въ какой она отвѣчаетъ нормѣ права.

4. Роль правящихъ должна въ силу неизбежнаго хода вещей уменьшаться съ каждымъ днемъ и сводиться къ надзору и контролю, такъ какъ всѣ экономическія и социальныя функціи мало-по-малу будутъ распредѣляться между различными общественными классами, которые, благодаря развитію синдикализма, приобрѣтаютъ опредѣленную юридическую конструкцію и такимъ образомъ могутъ, подъ контролемъ правящихъ, давать ходъ и направленіе падающей на нихъ части общественнаго труда.

1.

Я говорю прежде всего, что государственная власть есть не право, а простой фактъ, фактъ превосходства силы. Въ сущности это лишь резюме предыдущей лекціи. Постоянно были и, вѣроятно, постоянно будутъ въ обществахъ индивиды, классы, большинство, которые фактически, въ силу безконечно разнообразныхъ обстоятельствъ, концентрируютъ въ себѣ силу

принужденія. Не разъ уже указывали на то, что во Франціи со времени революціи классомъ, имѣющимъ наибольшую силу, является капиталистическая буржуазія, такъ какъ она располагаетъ экономической властью, а власть политическая постоянно слѣдуетъ за экономической властью. Часто также указывалось и на то, что со времени 1848 года во Франціи существуетъ вопіющее противорѣчіе между фактомъ и правомъ, отъ чего отчасти и происходитъ безпокойное настроеніе, характерное для современной эпохи; существуетъ противорѣчіе между принципомъ всеобщаго избирательнаго права, дающаго пролетаріямъ, какъ болѣе многочисленнымъ, политическую власть, и экономическимъ режимомъ, дѣлающимъ изъ пролетарія наемника и почти раба капиталиста.

Уже въ 1893 году Жоресъ воскликнулъ въ Палатѣ депутатовъ: „и этотъ царь политическаго строя (пролетарій) выброшенъ на улицу“ *). Министръ труда и общественнаго попеченія, Вивіани, вдохновляясь тою же идеей, недавно сказалъ въ Со: „Есть истина въ томъ, что всеобщее избирательное право въ концѣ концовъ создало затрудненія, на которыя я долженъ обратить ваше вниманіе. Въ тотъ день, когда дали избирательный бюллетень всѣмъ гражданамъ, даже тѣмъ, у которыхъ нѣтъ никакого имущества, былъ созданъ ужа-

*) Засѣданіе 21 ноября 1893 г.

сающій контрастъ между человѣкомъ вотирующимъ и человѣкомъ трудящимся. Передъ урной онъ суверень; на фабрикѣ онъ — подъ ярмомъ. Для него возникаетъ невольное сравненіе его политическаго суверенитета съ его экономической зависимостью; и именно изъ этого сравненія проистекають всѣ смуты и столкновенія“ *).

Если это противорѣчіе между фактомъ и правомъ вѣрно, то, повидимому, изъ этого должно вытекать, что пролетарскій классъ, на сторонѣ котораго численное преобладаніе, долженъ стараться получить дѣйствительную политическую силу посредствомъ завладѣнія властью и социализаціи орудій производства. Эту именно тактику проповѣдуютъ нѣкоторые социалисты **). Я не знаю и не желаю знать,

---

*) *Le Temps*, 25 февраля 1908 г.

**) См. въ этомъ смыслѣ манифестъ *французской социалистической партіи* (независимой социалистической партіи, объединяющей социалистическихъ депутатовъ, не вошедшихъ въ общій союзъ), опубликованный по случаю муниципальных выборовъ 3 мая 1908 г. и начинающійся слѣдующими словами: „Если синдикальная организація рабочихъ прежде всего необходима для ежедневной борьбы противъ капиталистическаго класса и для развитія въ классѣ пролетаріевъ яснаго сознанія своихъ солидарныхъ интересовъ, то она должна создаваться параллельно политическому дѣйствию, которое одно можетъ привести организованный пролетаріатъ къ завладѣнію всѣми видами государственной власти. Между ними муниципальная власть есть одна изъ тѣхъ, которыя слѣдуетъ пріобрѣсти“ (Le Temps, 17 апрѣля 1908 г.).

какова ея цѣнность, но полагаю, что политическая эволюція ориентуется не въ этомъ направленіи. Я думаю, что мы прогрессивно движемся, впрочемъ съ остановками и запинками, къ политической формѣ, въ которой наибольшая сила будетъ принадлежать не болѣе или менѣе привилегированному классу, а настоящему большинству, составленному изъ представителей всѣхъ классовъ націи и всѣхъ партій. Въ предшествующей лекціи было показано, что неограниченное всеобщее избирательное право, какъ оно создано было февральской революціей, привело къ вотированію законовъ представителями меньшинства. Но подобное положеніе вещей не можетъ продолжаться. Всѣ члены общества должны быть дѣйствительными участниками государственной власти, и мы движемся, какъ я вѣрю, къ органической формѣ всеобщаго избирательнаго права, обезпечивающаго преобладаніе дѣйствительному большинству, образуемому сознательнымъ и урегулированнымъ участіемъ всѣхъ классовъ и всѣхъ партій.

Классовое господство должно кончиться; мы отвергаемъ господство пролетарскаго класса, какъ и господство класса буржуазнаго. Можетъ быть, это моя иллюзія, но мнѣ кажется, что значительный прогрессъ, обнаруженный за послѣдніе годы во всѣхъ партіяхъ и во всѣхъ областяхъ нашей страны идеей пропорціональнаго представительства партій (комбинируемаго съ профессиональнымъ представи-

тельствомъ, о которомъ я буду говорить въ слѣдующей лекціи), является доказательствомъ того, что эволюція совершается именно въ указанномъ мною смыслѣ. Обязанность каждаго трудиться по мѣрѣ силъ своихъ надъ осуществленіемъ этой реформы и надъ уничтоженіемъ единоличнаго и мажоритарнаго голосованія, являющагося орудіемъ всеобщей деморализаціи и подкупа *).

Такимъ образомъ правящіе являются представителями этого большинства, образуемого

---

*) Въ палату депутатовъ, полномочія которой окончились въ маѣ 1906 года, было внесено комиссіей всеобщаго избирательнаго права два проекта, одинъ имѣвшій въ виду восстановление голосованія по списку (докладчикъ Бюйя), другой, имѣвшій въ виду установленіе пропорціональнаго представительства (Шарль Бенуа). Законодательный періодъ окончился раньше, чѣмъ приступили къ обсужденію этихъ проектовъ. Палата, избранная въ 1906 г., передала своей комиссіи всеобщаго избирательнаго права докладъ Бюйя и Шарля Бенуа. Э. Флянденъ замѣнилъ въ качествѣ докладчика по пропорціональному представительству Шарля Бенуа, сдѣлавшагося предсѣдателемъ комиссіи. Недавно газеты опубликовали слѣдующую замѣтку: „Бюро комиссіи по всеобщему избирательному праву, обратилось къ предсѣдателю совѣта министровъ. Въ результатѣ этихъ переговоровъ пришли къ слѣдующему соглашенію: 1) комиссія изучитъ по возможности въ скоромъ времени новые проекты, касающіеся избирательной реформы; 2) правительство начнетъ ихъ обсужденіе въ майской сессіи; 3) будутъ приняты мѣры, чтобы обсужденіе всей реформы могло начаться въ палатѣ тотчасъ же послѣ обсужденія бюджета и самое позднее въ началѣ 1909 г.“ Ср. Poinsagé, *Revue*, апрѣль, 1908 г.

сознательнымъ и урегулированнымъ участіемъ всѣхъ партій и всѣхъ классовъ. Въ силу этого, дѣйствительно, они обладаютъ наибольшей силой и располагаютъ матеріальнымъ принужденіемъ; но по праву они этого не имѣютъ и не могутъ имѣть. Подчиняясь нормѣ права, они должны употреблять свою наибольшую силу на примѣненіе этой нормы, констатируя ее, подавляя всѣ индивидуальныя акты ее нарушающіе, санкціонируя всѣ согласныя съ нею индивидуальныя акты. У нихъ нѣтъ другой власти, кромѣ власти выполнять обязанности и употреблять свою силу на охрану соціальной взаимозависимости. Изъ этого вытекаетъ цѣлый рядъ послѣдствій.

II.

Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ понятіемъ закона, сильно отличающимся отъ революціоннаго пониманія *). Какъ извѣстно, декларация правъ 1789 г. (ст. 6) опредѣляла законъ, какъ выраженіе общей воли. Изъ этого слѣдовало, что обязательная сила закона проистекаетъ отъ воли коллективности, и что законъ есть то, чего желаетъ коллективность. Законъ, го-

---

*) Ср. *Revue du droit public*, 1908, стр. 5, очень интересная статья Deslandres, *Etude sur le fondement de la loi*; Dicey, *Le droit et l'opinion publique*, фр. изд., 1906.

ворять *), имѣетъ особенную силу и специальную природу, такъ какъ онъ исходитъ отъ воли, имѣющей особую природу. Это — воля коллективности олицетворенной въ государствѣ; существо этой воли отлично отъ воли индивидовъ. Этимъ послѣднимъ, слѣдовательно, остается только подчиняться закону, который она предписываетъ, такъ какъ она имѣетъ трансцендентную силу, обязательную для нихъ. Отсюда проистекаетъ тотъ фетишизмъ закона, который особенно наглядно показанъ былъ Эдуардомъ Бертомъ. „Не является ли парламентарная демократія, пишетъ онъ, божественнымъ правомъ магической власти государства, перешедшимъ отъ короля къ партіямъ, выражающимъ такъ называемый народный суверенитетъ?.. Законъ, исходящій отъ нашихъ современныхъ парламентовъ, окруженъ почетомъ еще болѣе суевѣрнымъ, чѣмъ это было по отношенію къ самымъ абсолютнымъ королямъ, и можно сказать, что современное законодательство еще болѣе порабощаетъ, чѣмъ прежнее законничество“ (**).

Истина заключается въ томъ, что законъ

---

*) Напр., Эсменъ пишетъ: „Законъ есть приказъ суверена и свою обязательную силу онъ получаетъ отъ власти, отъ которой онъ исходитъ“ (*Droit constitutionnel*, 4 изд., 1906, стр. 38).

***) *Mouvement socialiste*, июль, 1907, 3 серия, I, стр. 11. — Гербертъ Спенсеръ писалъ: „Великимъ политическимъ суевѣріемъ прошлаго было божественное право королей. Ве-

есть выраженіе не общей воли, ибо она не существуетъ, и не воли государства, которой также нѣтъ, а воли нѣсколькихъ вотирующихъ лицъ. Во Франціи законъ есть выраженіе воли 350 депутатовъ и 200 сенаторовъ, образующихъ обычное большинство въ Палатѣ и въ Сенатѣ. Вотъ фактъ. Внѣ же этого существуютъ лишь фикціи и пустыя формулы; мы болѣе не хотимъ ихъ.

Если законъ есть выраженіе индивидуальной воли депутатовъ и сенаторовъ, то онъ не можетъ быть обязательнымъ, какъ таковой, для другихъ волей. Онъ можетъ быть обязательнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ есть формулированіе нормы права или приведеніе въ дѣйствіе этой нормы, и только въ этихъ предѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ законы раздѣляются на двѣ большія категоріи: такіе, которые формулируютъ норму права, и такіе, которые принимаютъ мѣры для ихъ осуществленія. Первые законы я называлъ *нормативными* законами, а вторые — *конструктивными* *). Но слова не важны. Ни тѣ, ни дру-

---

ликое суевѣріе нынѣшней политики—божественное право парламентовъ. Миропомазаніе, повидимому, незамѣтно перешло съ одной головы на головы многихъ лицъ, освящая ихъ и ихъ декреты. Можно находить ирраціональнымъ первое изъ этихъ вѣрованій, но слѣдуетъ допустить, что оно было болѣе логичнымъ, чѣмъ послѣднее“ (*L'individu contre l'état*, франц. изд., 1885, стр. 116).

*) Ср. *L'État, le droit objectif et la loi positive*, 1906, стр. 551 и сл.

гіе законы, собственно говоря, не содержать приказа, обращеннаго высшей волей волямъ подчиненнымъ. Они однако обязательны, такъ какъ представляютъ собою или формулированіе или осуществленіе нормы, обязательной, какъ таковая.

Отсюда понятно, почему и въ какой мѣрѣ законы обязательны даже и для тѣхъ, кто ихъ издалъ, т.-е. для правящихъ лицъ, или, какъ говорятъ обыкновенно, для государства. Законъ такъ же строго обязательенъ для парламента, его вотировавшаго, какъ и для частнаго лица, къ которому онъ обращается. Если въ законѣ видятъ приказъ, формулируемый государствомъ—лицомъ, и если дѣлаютъ изъ парламента уполномоченнаго представителя или юридическій органъ государства, то я предлагаю кому бы то ни было объяснить мнѣ, какимъ образомъ парламентъ можетъ быть связанъ изданнымъ имъ закономъ, и англичане логически вполне послѣдовательны, когда говорятъ, что парламентъ можетъ все сдѣлать, за исключеніемъ того, что не можетъ мужчины превратить въ женщину.

Нѣмецкіе юристы, вслѣдъ за Іерингомъ и Еллинекомъ, создали хрупкую теорію *самоограниченія* государства. Государство, говорятъ они, связано закономъ, которое его издало, потому что оно добровольно само себя ограничиваетъ этимъ закономъ; оно можетъ это дѣлать, добавляютъ они, не ограничивая своего

суверенитета, такъ какъ суверенитетъ есть способность *самоопредѣленія*; самоограничивая себя, государство опредѣляетъ себя и такимъ образомъ остается сувереномъ, хотя и подчиненнымъ своему собственному закону *).

Это очень хитроумно; но это ничего не доказываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сказать, что парламентъ, издавшій законъ и представляющій государство, связанъ, потому что онъ хочетъ, пока онъ хочетъ и поскольку онъ хочетъ быть связаннымъ этимъ закономъ, значить именно сказать, что онъ не связанъ. Это настолько вѣрно, что теоретики самоограниченія, вродѣ Еллинека, учатъ, что законъ не есть непременно общее предписаніе и что могутъ быть и индивидуальные законы **). Это значить, что парламентъ можетъ всегда внести индивидуальное отклоненіе отъ общаго вотированнаго имъ закона и что такимъ образомъ онъ можетъ всегда уклониться отъ примѣненія закона.

---

*) Ср. Ihering, *Der Zweck im Rechte*, I, стр. 241; Jellinek, *Gesetz und Verordnung*, 1887, стр. 197; *Allgemeine Staatslehre*, 2 изд., 1905, стр. 357. См. мою критику этой доктрины *L'Etat, le droit objectif...*, стр. 105 и сл. и *Конституціонное право*, стр. 72 и сл.

***) Jellinek, *Gesetz und Verordnung*, 1887, стр. 232; *Allgemeine Staatslehre*, 2 изд., 1905, стр. 595. Ср. Laband, *Droit public*, франц. изд., 1901, III, 260.

III.

Только что изложенное мною понятіе закона встрѣтило довольно живыя возраженія, которыхъ я не могу обойти молчаніемъ.

Прежде всего, говорятъ, это—анархистская теорія; нѣтъ общества, которое могло бы жить съ подобнымъ пониманіемъ закона *). Пассивное повиновеніе закону есть необходимое условіе всякой общественной жизни. Изложенная выше теорія признаетъ за каждымъ индивидомъ право отказывать въ повиновеніи закону, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не отвѣчаетъ понятію, создающемуся относительно нормы права; отсюда—лишь общая дезорганизація. По крайней мѣрѣ, говорятъ **), нужно считать, что всякій законъ предполагается согласнымъ

---

*) Эсменъ заключилъ свою длинную и благожелательную критику моей доктрины слѣдующими словами: „Если отрицаютъ суверенитетъ, то одно изъ двухъ: или нѣтъ ни законовъ, ни правительства, и тогда это анархистская химера..., или законы могутъ быть только соглашеніями между различными силами или классами, существующими въ дѣйствительности въ націи“ (*Droit constitutionnel*, 4 изд., 1906, стр. 40). Я не считаю себя анархистомъ, но я полагаю, — и надѣюсь доказать это въ третьей лекціи, — что дѣйствительно наши современные общества эволюционируютъ къ праву, покоющемуся исключительно на соглашеніи различныхъ соціальныхъ классовъ.

***) Gény, отчетъ о моей книгѣ: *L'Etat, le droit objectif...* въ *Revue critique de législation*, 1901, стр. 508.

съ правомъ и долженъ, пока не будетъ доказано противное, быть обязательнымъ для гражданъ.

Возраженіе, кажущееся важнымъ, нисколько не касается меня. Я могу его повернуть въ обратную сторону и сказать, что моя теорія закона, наоборотъ, по самому существу своему социальна, такъ какъ она принуждаетъ правящихъ лицъ издавать только такіе законы, относительно которыхъ не можетъ возникнуть сомнѣній. Я хорошо знаю, что юридическая истина не является съ очевидностью математической формулы. Но тѣмъ не менѣе вѣрно, что нѣкоторыя нормы права въ данный моментъ такъ глубоко и такъ универсально проникаютъ сознание людей, что всякій законъ, имѣющій цѣлью только обезпечить примѣненіе подобной нормы, встрѣтитъ, несомнѣнно, почти единогласное сочувствіе.

Но, скажутъ, число законовъ, отвѣчающихъ этимъ условіямъ, будетъ очень ограниченнымъ. Безъ сомнѣнія. Но зло не велико. По моему мнѣнію, большая ошибка полагать, что общественный прогрессъ измѣряется по числу новыхъ законовъ, издаваемыхъ правящими лицами. Впрочемъ въ будущемъ, которое, быть можетъ, не отдаленно, правящія лица будутъ создавать все менѣе и менѣе законовъ, такъ какъ отношенія индивидовъ и группъ будутъ главнымъ образомъ регулироваться конвенціональными регламентами, я хочу сказать, регла-

ментами, являющимися результатомъ соглашенія между двумя или многими группами, при чемъ правящія лица должны будутъ вмѣшиваться только для того, чтобы дать имъ свою санкцію, ихъ контролировать и за ними наблюдать.

Съ другой стороны, когда говорятъ о сопротивленіи примѣненію закона, почти всегда имѣютъ въ виду насильственное сопротивленіе. Но сопротивленіе тираническимъ законамъ можетъ осуществляться совсѣмъ иначе. Уже давно богословы различали пассивное, оборонительное и наступательное сопротивленія, и доказывали, что это послѣднее законно только, какъ послѣднее прибѣжище *). Если, какъ я полагаю, соціальныя группы мало-по-малу интегрируются внутри каждаго національнаго общества и въ частности во Франціи посредствомъ синдикальныхъ образованій, то онѣ будутъ въ состояніи организовать сильное и мирное сопротивление примѣненію тираническихъ законовъ. Была ли бы бѣда въ томъ, чтобы законодатель заранѣе зналъ, что всякій законъ, который будетъ угнетать одинъ классъ въ пользу другого, встрѣтитъ со стороны униженнаго класса сильно организованную оппозицію? Не является ли обязанностью всякаго парламента органи-

---

*) Ср. Chénon, *Théorie catholique de la souveraineté nationale*, 1898, стр. 16 и сл. и мое *Конституціонное право*, стр. 955.

зовать это законное сопротивление? Дѣло, по правдѣ сказать, не легкое. При пониманіи закона, какъ высшей воли, оно невозможно. При нашемъ пониманіи закона положеніе иное. Принципъ этотъ могъ бы найти свое осуществленіе въ созданіи высшаго трибунала, составленнаго одинаково изъ представителей всѣхъ общественныхъ классовъ и судящаго, такъ сказать, о законности законовъ *).

Другое возраженіе сдѣлано было мнѣ моимъ молодымъ и блестящимъ коллегою Политсомъ, профессоромъ на юридическомъ факультетѣ въ Пуатье. Подобно мнѣ, онъ признаетъ существованіе нормы поведенія, основанной на общественной взаимозависимости; но для него она есть норма скорѣе моральная, чѣмъ юридическая. Она, говоритъ онъ, не императивна сама по себѣ; она дѣлается таковою только тогда, когда формулирована въ позитивномъ законѣ. Это доказывается тѣмъ, что до того момента, пока она не формулирована въ позитивномъ законѣ, ея нарушеніе не влечетъ за собою никакой репрессіи, а дѣйствія, совершенныя индивидами согласно нормѣ, не производятъ юридическаго результата и не являются общественно санкціонированными. Слѣдова-

---

*) Ср. предложеніе Ж. Рошъ и Шарля Бенуа о созданіи верховной палаты, постановляющей относительно жалобъ гражданъ на нарушеніе ихъ правъ законодательной властью. *Jour. offic., doc. parl.*, Палата, обычная сессія, 1903, стр. 97 и 99.

тельно, говорить онъ, позитивный законъ не есть только простое констатированіе соціальной нормы; онъ прибавляетъ къ ней нѣчто; онъ одинъ даетъ ей императивный характеръ.

Мнѣ кажется, что дѣлая мнѣ это возраженіе, г. Политись нѣсколько смѣшалъ обязательный характеръ нормы и общественно-организованную санкцію этой нормы. Разумѣется, пока нѣтъ писаннаго закона или констатированнаго обычая, не существуетъ для нормы права правильной и юридически организованной санкции. Но доказываетъ ли это, что соціальная норма не императивна сама по себѣ? Впрочемъ, выраженіе *императивна* не удачно, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ идею приказа. Норма же права есть не приказъ, а фактическая дисциплина, которую налагаетъ на cadaго члена группы общественная взаимозависимость.

Г. Политись допускаетъ императивный характеръ обычая и объясняетъ это добровольнымъ признаніемъ со стороны людей содержащейся въ обычаѣ нормы. Законъ въ такомъ случаѣ явился бы лишь болѣе полнымъ осуществленіемъ нормы, и его императивный характеръ объяснялся бы также добровольнымъ принятіемъ со стороны индивидовъ, къ которымъ онъ обращается. Я не отрицаю этого добровольнаго принятія; но оно ничего не можетъ прибавить къ самой нормѣ, которая всю свою цѣнность получаетъ отъ общественной взаимозави-

симости, или отъ разъ навсегда принятаго постулата. Добровольное принятіе нормы есть, по существу, лишь болѣе ясное и точное сознаніе ея, облегчающее ея примѣненіе и обезпечивающее ей санкцію. Кромѣ того, г. Политисъ долженъ остеречься, дабы его идея „нормы обязательной потому, что она желательна людямъ“, не привела его къ теоріи общественнаго договора.

Наконецъ, мнѣ говорятъ еще: ваше воззрѣніе на законъ есть лишь возвратъ къ теоріи доктринеровъ относительно суверенитета разума, а это есть лишь слабо просмотрѣнное изданіе старой и изжитой теоріи естественнаго права *). Боже мой! Я хорошо знаю,

---

*) Эсменъ пишетъ: „Этотъ тезисъ, отрицающій суверенитетъ и учредительную власть, впрочемъ не новъ, но только подновленъ ссылкой на нѣкоторыя, впрочемъ очень туманныя, идеи, имѣющія теперь успѣхъ во Франціи и въ Германіи, въ родѣ принципа человѣческой солидарности и идеи нормы права, достаточной самой по себѣ. Это—доктрина, которая въ различныя эпохи имѣла претензію не признавать иного суверенитета, кромѣ разума. Ее защищалъ Гизо при Реставраціи (*Moyens d'opposition*, стр. 67). Ее формулировала партія доктринеровъ устами Ройе-Коллара (*Discours sur la pairie*, 1831). Въ *правахъ и законахъ интересахъ*, въ которыхъ Ройе-Колляръ видѣлъ самую основу политическаго общества, заключается точный эквивалентъ юридическаго положенія и нормы права, на которой г. Дюги строить всю свою систему“ (*Esmein, Droit constitutionnel*, 4 изд., 1906, стр. 36). Я не отрицаю, что можно сблизить, съ формальной точки зрѣнія, мою доктрину съ воззрѣніями доктринеровъ; и я это говорю въ текстѣ. Но я считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки. Г. Эс-

что Ройе-Колляръ и Гизо—лица нынѣ вышедшія изъ моды. И однако вовсе не такъ... глупо было говорить: законъ суверененъ и обязателенъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ согласенъ съ разумомъ. Человѣкъ, котораго, я думаю, не обвинять въ томъ, что онъ не модернистъ, предсѣдатель совѣта министровъ Клемансо сказалъ именно это самое въ своей уже цитированной рѣчи: „Нужно, сказалъ онъ, чтобы демократія прежде всего была правительствомъ разума“. Нужно лишь сговориться относительно того, что согласно съ разумомъ. Если говорятъ: законъ обязателенъ только тогда, когда онъ соответствуетъ нѣкоторымъ рациональнымъ принципамъ, неизмѣннымъ, всегда остающимся одинаковыми, во всѣ вре-

---

мень, повидимому, ошибается относительно мѣста, которое я даю *субъективному юридическому положенію*. Онъ дѣлаетъ изъ него одну изъ основъ моей системы, тогда какъ я старался показать, что оно есть конечный пунктъ. Субъективное юридическое положеніе возникаетъ только тогда, когда объявленіе индивидуальной воли происходитъ согласно съ нормой права. Что касается до моего пониманія объективного права и нормы права, то оно вполне отлично отъ доктринальнаго воззрѣнія на *права и законные интересы*. Это послѣднее покоилось на индивидуальныхъ правахъ, опредѣляемыхъ *a priori* разумомъ; мое утвержденіе нормы права покоится исключительно на фактѣ, на фактѣ общественной взаимозависимости, констатируемой наблюдениемъ. Различіе мнѣ кажется основнымъ. Ср. Barthélemy, критическій отзывъ о моемъ *Конституціонномъ правѣ* въ *Revue du droit public*, 1908, № 1, стр. 161.

мена и во всѣхъ странахъ, то это— доктрина естественнаго права; она вполне отжила свое время, и я энергично ее отвергаю. Но если говорятъ: законъ обязателенъ только тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ современнымъ, временнымъ и измѣняющимся условіямъ жизни даннаго общества, опредѣляемымъ наблюдениемъ и разумнымъ анализомъ эволюціи общества и его строенія, то тогда это, по моему мнѣнію, доктрина вполне чуждая естественному праву и *доктринальнымъ* воззрѣніямъ, доктрина чисто позитивнаго характера и истинно научнаго духа. А я защищаю именно эту доктрину.

IV.

Устраняя двойное понятіе личности и суверенитета государства, мы можемъ обосновать принципъ дѣйствительнаго и тѣснаго, отрицательнаго и положительнаго ограниченія дѣятельности правящихъ лицъ. Я хорошо знаю, что доктрина личнаго суверенитета претендуетъ на то, что она также можетъ ограничить дѣятельность государства. Это возможно, хотя, какъ было видно, факты, повидимому, подтверждаютъ противное. Во всякомъ случаѣ, она можетъ ограничить ее только отрицательно; она не можетъ возложить на государ-

ство положительныхъ обязанностей. Декларациі правъ и конституціи 1789, 1791 и III гг., содержащія наиболѣе совершенное и полное выраженіе этой доктрины, говорятъ только объ отрицательномъ ограниченіи. „Законодательная власть не можетъ издавать какихъ бы то ни было законовъ, которые наносятъ ущербъ осуществленію естественныхъ правъ человека“ *), и ничего болѣе. Отсюда слѣдуетъ, чтобы тамъ ни говорили **), что, принимая суверенитетъ государства и индивидуалистическую доктрину, нельзя обосновать обязанностей для правящихъ лицъ безвозмездно обеспечить за всѣми *minimum* образованія, доставлять работу для всѣхъ, кто ее спрашиваетъ, и давать средства для существованія всѣмъ тѣмъ, кто не можетъ ихъ добыть своимъ трудомъ. Наше положительное законодательство, находясь до самыхъ послѣднихъ лѣтъ подъ властью ложной индивидуалистической доктрины, установило бесплатность первоначальнаго обученія только въ 1881 г. (законъ 16 іюня 1881 г.); оно до сихъ поръ еще не признало того, что не точно называютъ правомъ на трудъ; и оно лишь съ 1893 г. предписываетъ обязанность вспоможенія для больныхъ (законъ 15 іюля 1893 г.) и съ 1905 г. для стариковъ, калѣкъ и неизлѣчи-

---

*) Конст. 1791, тит. I, § 3.

**) Н. Michel, *L'idée de l'état*, 1898, стр. 90. См. критику этого положенія въ моемъ *Конституціонномъ правѣ*, стр. 912.

мыхъ (законъ 14 іюля 1905 г., измѣненный ст. 35 закона 31 декабря 1907 г.). Можно также указать, что признаніе положительныхъ обязанностей правящихъ лицъ шло въ уровень съ постояннымъ умаленіемъ индивидуалистической доктрины и связаннаго съ ней ретарнаго воззрѣнія на государство *).

За то легко представить себѣ, что въ политическомъ строѣ, основанномъ на понятіи объективнаго права, на правящихъ лицъ падеть обязанность вспоможенія, обученія и страхованія отъ безработицы. Правители являются индивидами, какъ и другія лица, а не органами мнимой коллективной личности. Подобно прочимъ, они подчинены нормѣ права, которая возлагаетъ на нихъ обязанности, соответствующія занимаемому ими положенію въ обществѣ, и вслѣдствіе этого обязываетъ ихъ примѣнять находящуюся въ ихъ распоряженіи наибольшую силу для дѣла общественной взаимозависимости. Они обязаны не только воздерживаться; они должны дѣйствовать, и эта обязанность переводится въ юридическую обязанность обезпечить обученіе и гарантировать трудъ.

Но обязанность вспоможенія поднимаетъ

---

*) Ср. прекрасную книгу А. Schatz, *L'individualisme économique et social*, 1907 (готовится русскій переводъ А. Яценко въ изд. „Библіотеки для самообразованія“: А. Шаць, *Экономическій и соціальный индивидуализмъ*).

одну изъ самыхъ волнующихъ проблемъ, стоящихъ предъ современнымъ сознаниемъ. Христианство разрѣшило ее въ общеизвѣстномъ смыслѣ моральнаго долга милости. Должна ли разрѣшить ее въ томъ же смыслѣ и позитивная политика? Какое рѣшеніе логически вытекаетъ изъ факта указанной нами взаимозависимости? Сомнѣнія не возникаетъ относительно того, что правящія лица обязаны обезпечить медицинскую помощь для всѣхъ тѣхъ, излѣченіе кого возможно: помощь имѣетъ въ этомъ случаѣ цѣлью сохраненіе соціальной силы; она способствуетъ тому, чтобъ увеличить и поддержать взаимозависимость. Но должно ли также оказывать помощь и старикамъ, потребляющимъ не производя и подлежащимъ неизбежному исчезновенію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и лицамъ неизлѣчимо больнымъ, не только не имѣющимъ производительной цѣны, но еще могущимъ бросить въ расу зародышъ смерти или вырожденія. Не будетъ ли такая помощь нарушеніемъ закона общественной взаимозависимости?

Спенсеръ далъ понять, что такого рода помощь есть противуобщественное дѣло *).

---

*) Гербертъ Спенсеръ не думалъ запрещать индивидуальной благотворительности. „У меня нѣтъ намѣренія, пишетъ онъ, уничтожить или осудить помощь, индивидуально оказываемую людямъ мало одареннымъ людьми хорошо одаренными“ (*L'individu contre l'état*, франц. изд., 1885, стр. 98). Но исходя изъ дарвиновскаго принципа борьбы за жизнь и за

Ницше изгонялъ ее изъ общества построеннаго на *волю къ власти* *). И однако никто изъ насъ не думаетъ осуждать законовъ вродѣ,

отборъ, онъ полагаетъ, что „общество въ цѣломъ не можетъ, не подвергая себя немедленному или грядущему разрушенію“, благоприятствовать развитію мало одаренныхъ индивидовъ. „Въ конкуренціи съ членами своего собственного вида, въ борьбѣ съ членами другихъ видовъ, индивидъ погибаетъ и умираетъ или процвѣтаетъ и размножается въ зависимости отъ того, хорошо или плохо онъ одаренъ. Очевидно, если бѣ могъ просуществовать нѣкоторое время иной порядокъ, то съ теченіемъ времени онъ былъ бы роковымъ для вида... Есть ли кто-нибудь, кто думаетъ, что это истина непримѣнима къ человѣческому роду?.. Станутъ ли утверждать, что нѣтъ дурного въ томъ, что плохо одаренные индивиды будутъ въ состояніи процвѣтать и размножаться такъ же или еще болѣе, чѣмъ хорошо одаренные индивиды? Человѣческое общество, находящееся въ борьбѣ или въ конкуренціи съ другими обществами, можетъ быть разсматриваемо, какъ видъ или скорѣе какъ разновидность, и можно утверждать, что, подобно другимъ обществамъ или разновидностямъ, оно не будетъ способно устоять въ борьбѣ съ другими обществами, если оно благоприятствуетъ своимъ низшимъ единицамъ въ ущербъ единицамъ высшимъ“ (Herbert Spencer, *L'individu contre l'état*, стр. 97 и 98).

*) Особ. см. *La volonté de puissance*, франц. изд., перев. Н. Albert, 1903, въ частн. t. II, liv. 4, озаглавлен. *Дисциплина и отборъ* и начинающ. слѣдующими словами: „Моя философія приноситъ великую побѣдоносную мысль, которая въ концѣ концовъ уничтожаетъ всякій другой методъ. Это великая мысль, *производящая отборъ*; расы ее не выносящія осуждены; тѣ же, кто смотритъ на нее, какъ на величайшее изъ благъ, избраны для господства“ (стр. 179).

изданнаго 14 іюля 1905 года, впервые формулировавшаго право вспоможенія и возложившаго тяжелыя повинности на плательщиковъ налога съцѣлью обезпечить медицинскую помощь старикамъ, калѣкамъ и неизлѣчимо больнымъ. Но слѣдуетъ откровенно сознаться, что законъ взаимозависимости самъ по себѣ въ данномъ случаѣ безсиленъ. Нужно нѣчто большее; необходимо чувство жалости къ человѣческому страданію. Приобрѣтенное ли или врожденное это чувство, нѣтъ нужды, оно одно изъ наиболѣе прекрасныхъ достояній цивилизованнаго человѣка XX вѣка; оно должно найти себѣ мѣсто въ нашемъ положительномъ политическомъ строѣ, который долженъ имѣть въ виду всю цѣлостность человѣка. Надо также прибавить, что помощь, оказываемая калѣкамъ, старикамъ и неизлѣчимо больнымъ, есть актъ справедливости, дающій воодушевленіе общественнымъ труженникамъ и способный, благодаря этому, увеличить ихъ производительную силу.

V.

Государственная дѣятельность обнаруживается не только посредствомъ закона, но также и посредствомъ индивидуальныхъ актовъ, являющихся или юрисдикціонными или административными актами, различеніе которыхъ

есть одинъ изъ самыхъ деликатныхъ пунктовъ публичнаго права *). По традиціонной теоріи, административный или юрисдикціонный актъ, являющійся въ дѣйствительности произведеніемъ чловѣка, администратора или судьи, юридически представляетъ собою произведеніе самого государства. Я никогда не могъ понять этого различія между фактической истиной и истиной юридической. Всякое юридическое построеніе, покоящееся на подобномъ различеніи, не имѣетъ цѣны. Возьмемъ же фактъ такимъ, какимъ онъ есть. Какъ административный такъ и юрисдикціонный акты истекаютъ изъ индивидуальной воли, а воля главы государства, министра, префекта или судьи, принимающаго рѣшеніе, не имѣетъ въ себѣ ничего, что отличало бы ее отъ моей собственной воли. Я не могу поэтому согласиться, чтобы говорили объ актахъ власти, о государственной власти, объ ея делегаціи, о чиновникахъ, имѣющихъ частицу государственной власти. Все это слова, лишенныя смысла и при томъ очень опасныя, такъ какъ отъ акта государственной власти не далеко до правительственнаго акта, не подлежащаго никакому обжалованію, а отъ режима государственной власти одинъ лишь шагъ къ диктаторскому и тираническому строю.

---

*) Ср. относительно этого различенія мое *Конституціонное право*, М. 1908, стр. 240 и сл., 322 и сл.

Но если мы отрицаемъ государственную власть, какъ объяснить, что индивидуальный актъ правительственнаго агента дѣлается обязательнымъ для насъ?—Теоріей юридическаго акта *). Актъ агента производитъ юридическій эффектъ, подобно всякому, одностороннему или договорному акту индивидуальной воли, соединяющему условія юридическаго акта. Не останавливаясь на этой тонкой теоріи, я въ нѣсколькихъ лишь словахъ покажу, какъ она непосредственно связывается съ нашимъ пониманіемъ объективнаго права.

Я опредѣляю юридическій актъ, какъ объявленіе воли, исходящее отъ правоспособнаго лица, имѣющее объектомъ то, что можетъ быть желаемо, опредѣленное легальной цѣлью и произведенное съ намѣреніемъ создать юридическое положеніе. Юридическій эффектъ въ дѣйствительности производится не актомъ воли. Волевое проявленіе индивида, кѣмъ бы онъ ни былъ, простымъ частнымъ лицомъ, императоромъ, королемъ, президентомъ республики, министромъ, префектомъ, меромъ, безсильно само по себѣ создать юридическій эффектъ. Юридическій эффектъ есть социальный фактъ, такъ какъ онъ есть не что иное,

---

*) Относительно этой теоріи см. мою книгу *L'État, le droit objectif*, 1901, гл. 3, стр. 138 и сл. и *Конституционное право*, стр. 282 и сл.

какъ принужденіе со стороны общества по отношенію къ одной или нѣсколькимъ волямъ дѣлать что-нибудь или не дѣлать чего-нибудь. Индивидуальная же воля не можетъ одной своей силой производить соціального эффекта. Но если актъ индивидуальной воли опредѣляется соціальной цѣлью, если онъ соотвѣтствуетъ нормѣ права, если онъ стремится создать юридическое положеніе, то эффектъ получается, какъ прямое послѣдствіе примѣненія нормы права: для воли, которую имѣетъ въ виду актъ, есть обязанность совершить извѣстное предоставленіе или воздержаться отъ извѣстнаго дѣйствія, причемъ для этой обязанности существуетъ санкція общественнаго принужденія, а въ цивилизованныхъ странахъ даже общественно-организованнаго принужденія.

Такимъ образомъ акты, совершаемые государственными агентами, являются лишь актами индивидуальной воли. Воля администратора или судьи не есть воля высшей природы, чѣмъ воля частныхъ лицъ. Нельзя говорить, что они довѣренныя лица или органы суверенной личности, государства; это была бы только фикція, и мы знаемъ уже, какого мнѣнія слѣдуетъ о ней держаться. Если актъ государственнаго агента производитъ эффектъ, то только потому, что онъ есть юридическій актъ (и только въ этомъ случаѣ), подобно всякому акту, исходящему отъ индивидуаль-

ной воли, и подъ условіями, обязательными для всякой индивидуальной воли.

Вамъ ясны чрезвычайно важныя практическія послѣдствія, вытекающія изъ этого положенія. Въ теченіе долгаго времени смотрѣли на административный актъ, какъ на актъ особой природы, и окружали его чѣмъ-то вродѣ суевѣрнаго уваженія. Администрація являлась, какъ высшая власть, которая могла дѣлать свою волю обязательною, подобно прежнимъ абсолютнымъ князьямъ, потому только, что такъ ей угодно. Она признавала лишь за самой собою правомочіе оцѣнивать законность произведенныхъ ею актовъ. Подобно таинственному и грозному божеству она парила надъ устрешенными ею смертными. Я полагаю даже, что многіе администраторы до сихъ поръ еще имѣютъ тайную вѣру, что они высшей природы. Но публика дѣлается скептической. Съ того дня, какъ поняли и убѣдились, что административный актъ подобенъ всякому другому акту, что онъ не получаетъ никакой особой силы отъ воли своего творца и производитъ эффектъ лишь тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ нормѣ права, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ ей соотвѣтствуетъ, произвольная сила администраціи была разбита, и суевѣрный ужасъ, внушаемый ею многимъ, разсѣялся. Съ этого момента административное право было въ настоящемъ смыслѣ слова основано,

и частное лицо ограждено отъ произвола *). Достойная удивленія судебная практика Государственнаго совѣта ежедневно примѣняетъ,— сознательно или безсознательно, не важно,— выводы изъ этого новаго понятія, которое я резюмирую вкратцѣ: административный актъ есть актъ, исходящій отъ частной воли, и онъ можетъ производить эффектъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ соотвѣтствуетъ нормѣ права.

VI.

Однако это положеніе встрѣчаетъ нѣкоторыя возраженія. Прежде всего говорятъ: предшествующее положеніе правильно для многихъ административныхъ актовъ, для тѣхъ, которые по нынѣ принятой терминологіи называются актами *исполненія* (*gestion*). Но есть много актовъ, исходящихъ отъ государственныхъ агентовъ и имѣющихъ несомнѣнно особый характеръ. Это тѣ, которые называются актами *власти* или актами *государственной*

---

*) Я считаю своимъ долгомъ заявить, что заслуга и честь первымъ провозгласить, что административный актъ есть юридическій актъ и, какъ таковой, подчиненъ праву, принадлежитъ особенно Ориу, ученому декану тулузскаго юридическаго факультета. См. шесть изданій *Précis de droit administratif*.

власти. Относительно этихъ послѣднихъ не хотятъ допустить, чтобы они могли производиться обыкновенными частными лицами. Считаютъ поэтому необходимымъ, чтобы производящіе ихъ агенты имѣли особенное свойство, которое позволяло бы имъ сообщать этимъ актамъ особенный характеръ; а это особенное свойство можетъ быть лишь делегаціей государственной власти.

Возраженіе было особенно опредѣленно формулировано Бертелеми *). Я понимаю, что когда принимаютъ доктрину, признающую личность государства, то приписываютъ такъ называемому акту *государственной власти* особенный характеръ, вытекающій изъ особаго свойства государственнаго агента. Но я не понимаю этого, когда, подобно Бертелеми, энергически отрицаютъ личность государства и понятіе государственной власти и утверждаютъ, что агенты власти никогда не дѣйствуютъ, какъ довѣренныя лица или органы публичной коллективной личности, а выражаютъ только свою индивидуальную волю **). Если Бертелеми допускаетъ, что актъ въ дѣйствительности вытекаетъ изъ индивидуальной воли государственнаго агента, какъ можетъ онъ въ то же

---

*) Berthélemy, *Droit administratif*, 5 изд., 1908, стр. 42.

***) *Droit administratif*, стр. 42, а также предисловіе къ французскому изданію *Droit administratif* Отто Майера, 1903.

время признавать, что нѣкоторые агенты даютъ своимъ актамъ особенный характеръ? Законъ, отвѣтитъ онъ, даетъ имъ эту компетенцію. Да, это вѣрно; но законъ не можетъ измѣнить характера воли и сдѣлать, чтобы индивидуальная воля не была индивидуальной волей и стала болѣе высокой, чѣмъ всякая другая воля.

Я очень хорошо понимаю, когда говорятъ: административный актъ обладаетъ особеннымъ характеромъ потому, что черезъ посредство агента онъ исходитъ отъ коллективнаго лица, воля котораго по самой своей природѣ выше индивидуальныхъ волей. Это ошибочно; это чистая фикція; но это логично. Но я не понимаю, когда говорятъ, какъ Бертелеми: государство, какъ публичная власть, не есть личность; всѣ административные акты вытекаютъ изъ индивидуальной воли агентовъ, даже тѣ, которые квалифицируются правительственными актами; и однако они имѣютъ особую силу и цѣну, которой не могутъ имѣть акты, исходящіе отъ частной воли. Это очевидное противорѣчіе.

Кромѣ того, впадаютъ въ настоящій порочный кругъ, говоря, что существуютъ правительственные акты, такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы непонятно, какимъ образомъ они могли бы быть произведены простыми частными лицами. Въ самомъ дѣлѣ, если существуютъ нѣкоторые акты, которые, какъ намъ

кажется, могутъ быть произведены лишь государственными агентами, то потому только, что они относятся къ дѣятельности, которая фактически въ данный моментъ и въ данной странѣ монополизирована государствомъ. Только эта монополія заставляетъ насъ приписывать особенный характеръ такимъ актамъ. Въ дѣйствительности же въ этихъ актахъ нѣтъ ничего спеціальнаго; ихъ могли бы совершать и не государственные агенты, и въ нѣкоторыя эпохи такъ это и было. Указываютъ, какъ на примѣръ, на полицейскія дѣйствія, которыя будто бы непременно относятся къ осуществленію государственной власти, такъ какъ нельзя допустить, чтобы подобныя дѣйствія совершались частными лицами. Это не точно. Ничто не препятствуетъ тому, чтобы полицейскія дѣйствія осуществлялись частными ассоціаціями, и иногда такъ это и было. Всѣ, кто читалъ Донъ-Кихота, помнятъ столкновенія Ламанчскаго рыцаря со Святою Германдадой, являвшейся лишь частной ассоціаціей, производившей полицію въ испанскихъ селахъ. Теперь уже давно государство монополизировало полицію, и такъ какъ эта монополія уже старинна, то намъ кажется, что одно государство можетъ производить полицейскія функціи.

Другой примѣръ: юрисдикція, скажетъ Бертеми, есть также осуществленіе государственной власти, такъ какъ нельзя представить себѣ, чтобы частныя лица производили по-

добные акты. Это также не точно. Ничто не препятствуетъ тому, чтобы отправленіе правосудія обезпечивалось частными судьями. Частное правосудіе было одно время мечтою Конвента, не смотря на его авторитарные принципы. Многіе извѣстные писатели полагаютъ, что почти повсюду режимъ частнаго правосудія предшествовалъ режиму государственнаго правосудія.

Относительно только одной категоріи актовъ можно сказать, что они могутъ быть производимы лишь правящими лицами или отъ ихъ имени: это тѣ акты, которые заключаютъ въ себѣ употребленіе матеріальной силы, превосходящей всякую матеріальную силу, находящуюся въ данной странѣ. Это — простые акты исполненія, объ юридическомъ характерѣ которыхъ не возникаетъ вопроса. Никто не спроситъ, думается мнѣ, каковъ юридическій характеръ дѣйствія палача, отрубаяющаго голову. Различіе между правящими и управляемыми въ странѣ есть фактъ большей силы. Правящіе это тѣ, кто монополизируетъ силу. Одни они могутъ совершать акты, которые заключаютъ въ себѣ употребленіе принудительной силы, преодоляющей всякое сопротивленіе. Но это не даетъ производимому дѣйствию особаго юридическаго характера. Актъ носитъ чисто матеріальный характеръ; это — одна сила, которая сокрушаетъ другую силу; и нисколько не является волей, пре-

тендующей на обязательность для всякой другой воли въ силу особой юридической власти.

Въ дѣйствительности это различіе актовъ исполненія (*gestion*) и актовъ власти сводится къ совсѣмъ простому различію одностороннихъ актовъ и актовъ договорныхъ. Объявленіе воли производитъ правовой эффектъ только тогда, когда оно соединяетъ ранѣе указанная условія, независимо отъ того, будетъ ли эта воля односторонней или договорной. Даже объявленіе односторонней воли частнаго лица можетъ создать правовой эффектъ. Мало-по-малу исчезаетъ то старое вѣрованіе ортодоксальныхъ юристовъ, что одинъ договоръ можетъ дать начало юридическому положенію. Долгое время полагали, что власть создавать правовой эффектъ одностороннимъ актомъ есть привилегія государственной власти; поэтому то и дали названіе акта власти одностороннимъ актамъ, произведеннымъ государственными агентами. Но и частныя лица могутъ также одностороннимъ актомъ создавать юридическое положеніе. Нѣтъ необходимости, слѣдовательно, проводить разграниченіе; будетъ ли актъ государственнаго агента одностороннимъ или договорнымъ, онъ носить, подобно акту частнаго лица, одинаковый характеръ; онъ производитъ одни и тѣ же юридическіе эффекты и при тѣхъ же условіяхъ *).

---

*) Уменьшеніе роли договора въ общественныхъ отношеніяхъ мнѣ представляется безспорнымъ фактомъ; оно есть

Остается узнать, когда агентъ будетъ дѣйствовать одностороннимъ актомъ, когда посредствомъ договора. На этотъ вопросъ нельзя дать общаго отвѣта. Нѣтъ государственной функціи, которая не могла бы быть выполнена или договорнымъ путемъ или путемъ односторонняго акта. Все зависитъ отъ

послѣдствіе все болѣе проясняющагося сознанія общественной взаимозависимости. Въ общественной системѣ, основанной на субъективномъ правѣ, связанномъ съ самою человѣческой личностью, объемъ юридической сферы каждаго индивида можетъ быть болѣе или менѣе измѣненъ только по его собственному согласію, и, слѣдовательно, юридическое положеніе можетъ возникнуть только по взаимному согласію активнаго и пассивнаго субъектовъ этого положенія. Одна высшая воля, воля государства, можетъ измѣнять одностороннимъ актомъ юридическую сферу лица. Но по мѣрѣ того, какъ понятіе субъективнаго права исчезаетъ и даетъ мѣсто понятію объективнаго права, основаннаго на общественной взаимозависимости, положеніе вещей мѣняется. Нѣтъ болѣе вопроса объ юридической сферѣ человѣческой личности; актъ индивидуальной воли производитъ правовой эффектъ, когда онъ есть социальный актъ, т.-е. когда онъ имѣетъ цѣлью и результатомъ содѣйствіе общественной взаимозависимости, а этотъ характеръ вполне независимъ отъ того, одностороненъ онъ или договоренъ. Во всѣ времена допускали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ односторонняя воля можетъ дать начало обязанностямъ между частными лицами; это объясняли фикціей; говорили, что обязанность рождается какъ бы изъ договора. Эта старая манера объясненія не принимается болѣе въ наше время: обязательство возникаетъ потому, что объявленіе воли, хотя и одностороннее, соединяетъ условія юридическаго акта; оно возникаетъ всякій разъ, какъ дѣло находится въ такомъ положеніи. Именно благодаря этому и только благодаря этому, обязательство

фактовъ, отъ общественнаго состоянія, отъ сознанія, которое составляютъ въ данную эпоху о роли правящихъ лицъ и объ ихъ способъ дѣйствія. Все, что можно сказать, это, что нынѣ общей и опредѣленной тенденціей является постоянное уменьшеніе договорной области. Многіе акты, въ которыхъ недавно

возникаетъ изъ одностороннихъ актовъ, совершенныхъ государственными агентами, и все чаще и чаще возникаетъ изъ одностороннихъ актовъ, исходящихъ отъ простыхъ частныхъ лицъ. Важно также отмѣтить, что вслѣдствіе достойной сожалѣнія неточности языка часто говорятъ о договорѣ въ такихъ случаяхъ, какъ въ дѣйствительности нѣтъ договора. Такъ обстоитъ дѣло, напр., въ актахъ, неправильно квалифицируемыхъ договорами ассоціаціи, договорами присоединенія, коллективными договорами. Ср. мое *Конституціонное право*, стр. 316 и сл. и также *L'État, le droit objectif*, стр. 53.—См. также Наугіоу, *Droit administratif*, 6 изд., 1907, стр. 23, весь параграфъ, озаглавленный: *учрежденіе, договоръ и юридическій оборотъ*. Онъ вполне справедливо противопоставляетъ договору въ собственномъ смыслѣ „присоединеніе къ факту, имѣющееся во всѣхъ явленіяхъ согласія, свойственныхъ учрежденію“ (стр. 23 и 552). Я прочиталъ и перечиталъ теорію *учрежденій*, развитую моимъ ученымъ другомъ въ послѣднемъ изданіи его *Précis*. Въ концѣ концовъ я думаю, что она очень сильно приближается къ различенію, которое я изложилъ еще въ 1901 году (*L'État, le droit objectif*, стр. 140 и 196) между *объективно-правовыми положеніями* и *субъективными юридическими положеніями*. Если *учрежденіе* пріобрѣтаетъ въ современныхъ обществахъ важное значеніе, вполне справедливо подчеркнутое Оріу, то это является именно результатомъ увеличивающейся замѣны субъективнаго права правомъ объективнымъ.

еще видѣли договоры, нынѣ являются намъ, какъ односторонніе акты. Въ качествѣ примѣра ограничусь лишь указаніемъ на назначеніе чиновниковъ, на концессию общественныхъ службъ *), въ которыхъ все чаще видятъ односторонніе акты, а не договоры.

Нѣкоторые авторы утверждаютъ, что критерій, по которому можно отличить односторонній актъ отъ договора, заключается въ томъ, что только договоръ связываетъ администрацію, тогда какъ наоборотъ односторонній актъ не обязываетъ ее и всегда можетъ быть взятъ обратно **). Это ошибка, противъ которой я считаю нужнымъ протестовать. Разумѣется, нѣкоторые односторонніе акты могутъ быть взяты обратно подобно тому, какъ нѣкоторые договорные акты могутъ быть отмѣнены волею одной изъ сторонъ. Но это не доказываетъ, что односторонній актъ не можетъ создать обязанности для администраціи. Послѣдствіемъ изучаемой нами политической трансформации является то, что односторонній актъ производитъ объективно-правовое положеніе, подобно самому договорному акту. Напримѣръ, изъ того, что назначеніе чиновниковъ и концес-

---

*) Ср. Jèse, *Revue du droit public*, 1907, стр. 679, по поводу рѣшенія *Deplanque*, 31 мая 1907 г.; моя статья въ томъ же журналѣ, 1907, стр. 411, и Hauriou, *Droit administratif*, 6 изд., 1907, стр. 694.

**) См. именно Hauriou, *Droit administratif*, 5 изд., 1903, стр. 557, прим. 1.

сія общественныхъ службъ являются односторонними актами, не слѣдуетъ, что администрація не обязана по отношенію къ назначенному чиновнику или по отношенію къ концессионеру. Эти обязанности судебная практика Государственнаго совѣта признаетъ ежедневно. Говорить, что одинъ договоръ обязываетъ администрацію, значитъ утверждать регальное воззрѣніе, значитъ говорить, что государство стоитъ выше права, значитъ пренебрегать тѣмъ пріобрѣтеніемъ современнаго сознанія, которое видитъ въ административномъ актѣ лишь актъ, подчиненный условіямъ всякаго юридическаго акта *).

Но это приводитъ насъ къ возраженію, которое на первый взглядъ можетъ показаться важнымъ. Какимъ образомъ, говорятъ намъ ортодоксальные юристы, можете вы говорить, что государство обязано, когда вы отрицаете личность государства? Не можетъ быть обязанности, если нѣтъ лица, субъекта этой обязанности. Возраженіе впрочемъ имѣетъ общее значеніе и касается обширной проблемы о субъектѣ права, которой я не желаю изслѣдовать здѣсь **). Оставаясь въ частной области административнаго акта, легко отвергнуть возраженіе. Достаточно показать, какъ переводятся

---

*) Ср. мое *Конституціонное право*, стр. 316.

***) См. уже цитированную книгу Michoud, *Théorie de la personnalité morale*, 1906.

въ дѣйствительность обязанности, возникшія для администраціи изъ административнаго акта. Когда говорятъ, что администрація и государство обязаны, это не значитъ, что возникаетъ обязанность для этого мнимаго лица, созданія схоластическаго воображенія юристовъ, для коллективнаго лица государства; это значитъ лишь, что государственные агенты, являющіеся конкретными и реальными существами, должны воздерживаться отъ извѣстнаго дѣйствія или обязаны произвести извѣстное предоставленіе. Когда, на примѣръ, говорятъ, что государство не можетъ отозвать такого-то чиновника, взять обратно такую-то концессию, въ дѣйствительности, по устраненію всякихъ фикцій, это значитъ не что иное, какъ слѣдующее: ни одинъ государственный агентъ не компетентенъ отзывать такого-то чиновника, брать обратно такую-то концессию, и всякій актъ смѣщенія является ничтожнымъ и можетъ повлечь за собою отвѣтственность. Самъ денежный долгъ не предполагаетъ существованія патримоніальной личности государства. Когда говорятъ, что государство есть должникъ извѣстной суммы, это значитъ, просто на просто, что компетентные агенты обязаны выдать такому-то лицу ассигновку объ уплатѣ изъ государственной кассы и что завѣдующій государственными суммами обязанъ уплатить держателю ассигновки указанную сумму. Вотъ факты; они очень просты, и я не знаю, почему

хотятъ во что бы то ни стало, ввести ихъ въ узкія и изгнившія рамки старой юридической техники.

VII.

Особенно яркимъ образомъ проявляются эти обязанности въ томъ, что называютъ отвѣтственностью государства, для которой вырабатывается на нашихъ глазахъ новое право, созданіе нашего Государственного совѣта, оставляющее далеко за собой столь прославленное дѣло римскаго претора. Мы должны на ней остановиться на нѣсколько мгновеній; въ самомъ дѣлѣ, эта судебная практика есть примѣчательное проявленіе видоизмѣненія, совершающагося въ понятіи государства.

Наши юристы, пропитанные старымъ регальнымъ воззрѣніемъ, еще недавно утверждали, какъ неприкосновенный догматъ, безотвѣтственность государства, какъ публичной власти. По ихъ мысли, государство есть лицо сверхъ-земной природы, оно можетъ ошибаться, оно можетъ совершать ошибки, но оно безотвѣтственно. Государственная власть не можетъ быть подчинена великому закону отвѣтственности; она выше этого закона, который созданъ не для нея.

Бертелеми, еще въ послѣднемъ изданіи своего *Traité de droit administratif* (1908), говоритъ о

безотвѣтственности государственной администраціи за актъ власти. Онъ пишетъ: „Администрація отвѣчаетъ за акты власти своихъ чиновниковъ только тогда, (что впрочемъ бываетъ часто), когда законъ предвидѣлъ и организовалъ эту отвѣтственность“ (стр. 77).

Съ трудомъ юристы дѣлали исключеніе для того случая, когда, хотя и не было экспроприаціи въ собственномъ смыслѣ слова, но было перемѣщеніе имущества изъ частнаго достоянія въ общественное. Въ этомъ случаѣ основывали отвѣтственность государство, но не на идеѣ общей отвѣтственности государства, осуществляющаго свою власть, а на неприкосновенности правъ собственности, освященной ст. 17 Деклараціи правъ *).

Нынѣ, наоборотъ, все болѣе утверждается судебная практика, принимающая общій принципъ отвѣтственности государства. Эта отвѣтственность признается въ тѣхъ случаяхъ, съ каждымъ днемъ все болѣе многочисленныхъ, гдѣ сторонники классическаго пониманія государственной власти не могутъ не признать, что государство выступаетъ, какъ власть. Правда, сохраняютъ освященное выраженіе государственной власти, но даютъ такія рѣ-

---

*) Именно съ этой идеей связаны многочисленные рѣшенія Государственнаго совѣта, который уже давно постановляетъ о возмѣщеніи за убытки, причиненные частной собственности выполненіемъ общественныхъ работъ. Ср. Наугоцъ, *op. cit.*, стр. 668.

шенія, которыя въ дѣйствительности являются ея отрицаніемъ. Далеко уже то время, что бы ни говорилъ Бертелеми, когда признавали отвѣтственность государства, какъ власти, только въ тѣхъ случаяхъ, которые опредѣленно указывалъ законъ, на примѣръ, въ случаѣ экспроприаціи, военныхъ реквизицій, судебныхъ ошибокъ (по закону 1895 года о пересмотрѣ уголовныхъ процессовъ) или въ случаяхъ, когда совершается переходъ цѣнностей изъ частнаго достоянія въ общественное. Государственный совѣтъ болѣе не колеблется провозгласить государство отвѣтственнымъ почти во всѣхъ областяхъ его дѣятельности. Оно, на примѣръ, отвѣтственно, когда не принимаетъ необходимыхъ полицейскихъ мѣръ, чтобы обезпечить безопасность плаванія *) и охранить лица и вещи, когда совершаются неправильныя или недостаточныя полицейскія мѣры**), когда

---

*) Два рѣшенія Государственнаго совѣта (22 марта 1907, *Recueil*, стр. 292 *Fournier* и *Desplanches*) постановляютъ, что государство должно быть отвѣтственно за гибель грузового судна и смерть находившихся на немъ матросовъ, явившіяся послѣдствіемъ столкновения въ Жирондскомъ каналѣ съ остовомъ корабля, покинутого въ силу ст. 216 торговаго кодекса и не освѣщеннаго, по небрежности администраціи.

**) Чтобы установить, что судебная практика Государственнаго совѣта соотвѣтствуетъ положенію, по которому государство не отвѣтственно по поводу актовъ власти, Бертелеми цитируетъ постановленіе *Leprieux* (13 января 1900 г.), гдѣ говорится: „принимая во вниманіе, что принципально

оно *безразсудно* приступило къ предварительному исполненію *). Кромѣ того, вы, конечно, знаете замѣчательныя заключенія правитель-

государство, какъ публичная власть, и въ частности посколькy это относится къ полицейскимъ мѣрамъ, не отвѣтственно за небрежность своихъ агентовъ“. Съ 1899 г. Государственный совѣтъ совершенно оставилъ эту практику. Примѣчательная замѣтка, опубликованная Оріу подъ этимъ постановленіемъ (S., 1900, III, стр. 1), осталась не безъ вліянія на это примѣненіе. Въ постановленіи, тождественномъ указанному постановленію *Lepreux*, Государственный совѣтъ (рѣшеніе *Thomaso Grecco*, 10 февраля 1905 г., *Recueil*, стр. 139) призналъ принципъ отвѣтственности государства въ случаяхъ, когда агенты, несущіе полицейскую службу, не приняли мѣръ достаточныхъ, чтобы обезпечить безопасность лицъ. Ср. замѣчательныя заключенія Ромьё, *Recueil*, 1905, стр. 139 и замѣтку Оріу подъ постановленіемъ, S., 1905, III, стр. 113. Ср. также два рѣшенія отъ 22 марта 1907 г. (см. предшествующее примѣчаніе), признающія отвѣтственность государства по поводу полиціи судоходства. Такимъ образомъ можно считать установившейся судебную практику, по которой государство отвѣтственно за ущербъ, причиненный частнымъ лицамъ небрежностью или неосторожностью его агентовъ въ области полиціи. Нельзя противопоставлять этому рѣшенію *Ginière* отъ 5 февраля 1904 (*Recueil*, стр. 88), предшествовавшее указаннымъ выше рѣшеніемъ и мотивированное ссылкой на фактъ.

*) Рѣшеніе *Zimmermann* отъ 27 февраля 1903 г., *Recueil*, стр. 178. „Принимая во вниманіе, говорится въ рѣшеніи, что, хотя префектъ и осуществлялъ право, данное ему ст. 69 закона 22 іюля 1889 г., онъ могъ это дѣлать только съ *рискомъ и съ опасностью для администраціи*“. См. интересную замѣтку Оріу подъ постановленіемъ S., 1905, III, стр. 17 и въ *Recueil* заключенія правительственнаго комиссара Ромьё.

ственного комиссара Тейссье, послѣ которыхъ Государственный совѣтъ призналъ въ дѣлѣ Леберра отвѣтственность государства въ случаѣ незаконнаго или даже только не оправдываемаго смѣщенія чиновника *).

*) На основаніи очень примѣчательныхъ заключеній Тейссье Государственный совѣтъ въ рѣшеніи *Leberre* (29 мая 1903 г. *Recueil*, стр. 414) призналъ, что субъ-офицеръ, дважды неправильно лишенный своего чина вопреки законамъ 13 іюля 1881 г. и 18 марта 1882 г. имѣетъ право требовать у государства денежнаго возмѣщенія за моральный и матеріальный ущербъ, который принесла ему эта мѣра. Нынѣ Государственный совѣтъ рѣшаетъ, что *муниципальные* чиновники, даже правильнымъ образомъ смѣщенные, могутъ, когда къ нимъ нельзя предъявить обвиненія въ какомъ-нибудь правонарушеніи, требовать возмѣщенія за отставку. Эта судебная практика, починъ которой былъ сдѣланъ постановленіемъ *Вилльмавъ противъ города Алже* отъ 11 декабря 1903 г. (*Recueil*, стр. 767 и *S.*, 1904, III, стр. 121, замѣтка *Oriu*), определеннымъ образомъ была утверждена постановленіемъ *Лакуртъ противъ города Като* отъ 15 февраля 1907 г. (*Recueil*, стр. 156). Смѣщеніе было правильнымъ, но Государственный совѣтъ принудилъ къ возмѣщенію убытковъ, „принимая во вниманіе, что смѣщеніе, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно было произведено, причинило Лакурту ущербъ, требовать возмѣщеніе за который онъ имѣетъ основаніе“. Нѣтъ сомнѣнія, что Государственный совѣтъ не простираетъ этой судебной практики на государственныхъ чиновниковъ, смѣщенныхъ безъ основанія. Ср. замѣтку *Jèze*, *Revue du droit public*, 1907, стр. 236. Относительно отвѣтственности государства въ случаяхъ примѣненія государственной власти, ср. *Teissier*, *Répert. droit admin.*, слово *Responsabilité*, опубликован. отдѣльной книгой; *Tirard*, *La responsabilité de la puissance publique*, 1906.

Это не все. Безотвѣтственность государства казалась неоспоримой, когда оно дѣйствовало путем регламентарнаго акта, такъ какъ, — говорятъ одни, — суверенитетъ въ этомъ случаѣ обнаруживается особенно въ высокой степени (въ чемъ впрочемъ заключается противорѣчіе, такъ какъ если суверенитетъ существуетъ, онъ есть абсолютное право и не можетъ быть въ большей степени или въ меньшей степени). Другіе говорятъ (и я самъ это писалъ *), что государство безотвѣтственно, такъ какъ регламентъ носить характеръ общаго предписанія, и государство въ этомъ случаѣ не вступаетъ въ отношеніе (въ юридической оборотъ, по выраженію Оріу) съ опредѣленнымъ лицомъ и потому не можетъ быть отвѣтственно передъ кѣмъ бы то ни было. И что же? Даже эта безотвѣтственность государства, дѣйствующаго регламентарнымъ путемъ, близка къ исчезновенію. Въ недавнемъ рѣшеніи (отъ 6 декабря 1907 года) громадной важности, постановленномъ послѣ заключеній правительственнаго комиссара Тардьё и доклада члена совѣта Ромьё, Государственный совѣтъ призналъ въ любопытномъ изложеніи мотивовъ, что вопросъ объ отвѣтственности государства можетъ быть возбужденъ даже по поводу регламента, когда примѣненіе этого

---

*) *Конституціонное право*, М. 1908, стр. 935 и сл.

акта непосредственно увеличивает повинности, падающія на опредѣленное имущество.

Дѣло шло о регламентѣ публичной администраціи отъ 1 марта 1901 года, который значительно увеличилъ повинности желѣзнодорожныхъ компаній, возложенныя на нихъ ордонансомъ 15 ноября 1846 года и ихъ подрядными условіями. Крупныя компаніи обжаловали этотъ регламентъ въ судебномъ административномъ порядкѣ за превышеніе власти; это обжалованіе было признано приемлемымъ, но мало обоснованнымъ. Однако въ одномъ изъ мотивовъ, Государственный совѣтъ заявляетъ, что если компаніи установятъ, что новый регламентъ, изданный государствомъ въ полнотѣ своихъ правъ, или, точнѣе, регламентъ, правильно изданный компетентными агентами, въ результатѣ увеличиваетъ обязанности, падающія на нихъ въ силу ихъ подрядныхъ условій, то онѣ въ правѣ получить за это вознагражденіе отъ судьи по договору (т.-е. отъ совѣтника префектуры). Въ данномъ случаѣ мы далеки отъ стараго понятія безотвѣтственной государственной власти, такъ какъ признается эта отвѣтственность по поводу регламента государственной администраціи, объявленнаго законнымъ, разсматриваемаго, какъ изданный по порученію парламента и являющагося такимъ образомъ проявленіемъ суверенитета *par excellence*. Это ли не отрицаніе *imperium'a*?

Можетъ быть скажутъ, что Государственный совѣтъ признаетъ отвѣтственность государства потому, что въ данномъ случаѣ есть нарушение также договора, который связываетъ государство. — Что высшій трибуналъ имѣлъ это въ виду, это не подлежитъ сомнѣнiю. Но если бы было дѣйствительное нарушение договора, регламентарный актъ былъ бы ничтожнымъ, и совѣтъ долженъ былъ бы провозгласить эту ничтожность, а не признавать дѣйствительность регламента и принципъ возмѣщенiя. Истина въ томъ, что положенiе концессионныхъ компанiй есть положенiе регламентарное, которое можетъ быть во всякiй моментъ измѣнено правительственнымъ регламентомъ. Но если новый текстъ увеличиваетъ, въ коллективномъ интересѣ, повинности концессионеровъ, коллективная касса должна возмѣстить ущербъ этихъ послѣднихъ.

VIII.

Пойдетъ ли дѣло еще дальше? Прийдутъ ли къ признанiю отвѣтственности государства въ сферѣ законодательной въ тѣсномъ смыслѣ слова? Этотъ вопросъ какъ разъ въ настоящее время является поподомъ къ конфликту между Палатой и Сенатомъ по поводу законопроекта о запрещенiи употреблять свинцовыя бѣлила

для внутреннихъ малярныхъ работъ. Когда этотъ проектъ, вотированный Палатой, былъ переданъ въ Сенатъ, Сенатъ внесъ въ него принципъ вознагражденія въ пользу фабрикантовъ бѣлилъ. Палата отвергла вознагражденіе, и вопросъ въ настоящее время находится въ неопредѣленномъ положеніи въ Верхней Палатѣ *). Слѣдуетъ впрочемъ поставить вопросъ въ общемъ видѣ и спросить, обязанъ ли, въ силу нормы права, законодатель, издающій законъ, примѣненіе котораго повлечетъ для нѣкоторыхъ индивидовъ особый ущербъ, внести въ законъ принципъ вознагражденія этимъ послѣднимъ.

Я отвѣчаю, не колеблясь: нѣтъ; и этотъ отвѣтъ есть логическое послѣдствіе того опредѣленія, которое мы дали закону. Законъ, сказалъ я, есть констатированіе объективнаго права, формулированіе или приведеніе въ дѣйствіе нормы права. Если бы законодатель, издавая новый законъ, давалъ вознагражденіе тѣмъ,

---

*) Министръ труда Вивіани просилъ сенатскую комиссію предложить Сенату уступить и отвергнуть, подобно Палатѣ, принципъ вознагражденія. Онъ настаивалъ на томъ что законопроектъ вовсе не предполагаетъ экспропріаціи, такъ какъ онъ запрещаетъ употребленіе бѣлилъ только для внутреннихъ работъ. Онъ ссылался на предшествующій законъ о сахаринѣ (зак. 30 марта 1902, ст. 49). Однако докладчикъ Педибиду внесъ 7 апрѣля 1908 г. въ Сенатъ докладъ, въ которомъ настаиваетъ на сохраненіи проекта въ томъ видѣ, какъ онъ былъ вотированъ уже Верхней Палатой, т.-е. съ уплатою вознагражденія фабрикантамъ.

кто терпитъ отъ этого ущербъ, онъ призналъ бы, что издаваемый имъ законъ не формулируетъ права и даже является, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, противнымъ праву. А это противорѣчитъ самому понятію закона *).

Есть случаи, гдѣ такое рѣшеніе само собою очевидно. Если предположить, напр., что въ странѣ, вродѣ Англіи, гдѣ не наказывается укрывательство краденнаго, будетъ изданъ новый законъ, которымъ будетъ наказываться это укрывательство, то, я думаю, никто не станетъ утверждать, что лица и общества, открыто организовавшія въ Лондонѣ заведенія для укрывательства, могутъ законно претендовать на то, чтобы новый законъ призналъ за ними право на вознагражденіе. Точно также, если научно установлено, что употребленіе свинцовыхъ бѣлилъ во внутреннихъ работахъ смертельно для рабочихъ, то фабриканты этого вещества не могутъ претендовать на вознагражденіе, такъ какъ законодатель, запрещая употребленіе ядовитаго продукта, лишь издаетъ норму, согласную съ правомъ. Точно также, если когда-нибудь, — я надѣюсь скоро, — законъ запретитъ во Франціи производство и продажу абсента, фабриканты этого яда не смогутъ требовать какого-либо вознагражденія: это — общественные отравители,

---

*) Ср. Barthélemy, *Revue du droit public*, 1907, стр. 92, мое *Конституціонное право*, стр. 934 и сл.

и законодатель вполне законно запретить ихъ вредную промышленность.

Такимъ образомъ я вполне одобряю министра труда Вивіани, потребовавшего недавно отъ сенатской комисіи, чтобы она предложила верхней палатѣ принять рѣшеніе нижней палаты и отвергнуть принципъ вознагражденія.

Возникаетъ еще другой вопросъ, отличный отъ предшествующаго. Законъ, какъ таковой, ни для кого не влечетъ спеціального ущерба; онъ только разрѣшаетъ административной власти принимать нѣкоторыя индивидуальныя мѣры, предоставленныя ей свободной оцѣнкѣ. Предполагается, что законъ не заключаетъ въ себѣ принципа вознагражденія. При этихъ условіяхъ могутъ ли суды присуждать вознагражденіе тѣмъ, кто подвергается ущербу, происходящему отъ индивидуальнаго примѣненія къ нимъ закона, сдѣланнаго административнымъ рѣшеніемъ? Если принять идею, которой вдохновлялся Государственный совѣтъ въ указанномъ выше постановленіи относительно желѣзнодорожныхъ компаній (отъ 6 декабря 1907 г.), то я не вижу, почему бы суды отказывали въ вознагражденіи. Признается отвѣтственность государства за ущербъ причиненный индивидуальнымъ примѣненіемъ регламента. Почему не можетъ быть того же самаго и для индивидуальнаго примѣненія закона? Нельзя сказать, что законъ есть болѣе полное проявленіе суверенитета, чѣмъ регла-

ментъ, такъ какъ если признавать суверенитетъ, то онъ не можетъ имѣть степеней, а мы, кромѣ того, и не признаемъ его.

Однако нѣтъ мѣста отвѣтственности государства, если законъ разрѣшаетъ правительству путемъ индивидуальныхъ мѣръ закрывать нѣкоторыя заведенія, въ силу вредности фабрикуемыхъ въ нихъ продуктовъ, на примѣръ, заведенія, въ которыхъ выдѣляется абсентъ. Эти фабриканты, фабрики которыхъ были бы закрыты, такъ же не могутъ претендовать на возмѣщеніе, какъ и сутенёры или хулиганы, если бы новый законъ разрѣшилъ арестовывать ихъ административнымъ путемъ.

Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ римское, регальное и якобинское понятіе государства, принципъ публичной отвѣтственности утверждается болѣе энергично, и его сфера расширяется. Но нельзя ли сказать: признать отвѣтственность государства значить признать его личность, такъ какъ отвѣтственность подразумѣваетъ обязанность, основывающуюся на винѣ; государство же можетъ быть обязаннымъ лишь тогда, когда оно есть лицо, и вину оно можетъ учинить лишь въ томъ случаѣ, если оно лицо.

Возраженіе это, которое съ перваго взгляда кажется серьезнымъ, на самомъ дѣлѣ не попадаетъ въ цѣль. Я не хочу здѣсь подробно останавливаться на обоснованіи отвѣтственности государства, что завело бы насъ очень

далеко. Но легко показать въ нѣсколькихъ словахъ, что такъ называемая государственная отвѣтственность нисколько не подразумѣваетъ личности государства.

Эта отвѣтственность не всегда связана съ однимъ и тѣмъ же принципомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она имѣетъ основаніемъ необходимость возмѣстить на счетъ коллективной казны особый ущербъ, понесенный индивидомъ въ коллективномъ интересѣ. Въ этомъ случаѣ она основывается единственно на рискѣ: государственная казна есть касса взаимнаго страхованія индивидовъ отъ убытковъ, причиняемыхъ имъ въ общественномъ интересѣ. Это имѣетъ мѣсто всякій разъ, какъ государство дѣлается отвѣтственнымъ, несмотря на то, что никакого правонарушенія, никакой не правильности не было совершено, на примѣръ, въ случаяхъ экспроприаціи, реквизиціи, убытковъ, причиненныхъ общественными работами.

Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, государственный аппаратъ плохо функционировалъ; было нарушеніе закона о государственной службѣ; была вина, и именно въ силу этого государство отвѣтственно. Но эта вина учинена чиновниками, а не государствомъ, этой простой абстракціей. Если говорятъ о винѣ государства, то это лишь метафора *). Для

---

*) Если хотять дать себѣ ясное представленіе объ искусственныхъ рѣшеніяхъ, къ которымъ приводитъ юриди-

того, чтобы отстаивать идею, что государство само, какъ таковое, можетъ учинить вину, надо вернуться къ метафизическимъ доктринамъ коллективной личности, національной души, которыя я уже оцѣнилъ по достоинству. Фактъ тотъ, что вина совершается людьми, государственными агентами. Въ такомъ случаѣ ставится вопросъ, чье имущество въ конечномъ счетѣ понесетъ послѣдствія этой вины. Если это личная вина человѣка, т. - е. если этотъ послѣдній дѣйствовалъ для цѣли, чуждой цѣлямъ государственной администраціи, то ущербъ долженъ быть возмѣщенъ изъ его собственнаго достоянія. Если, наоборотъ, была вина по службѣ, т. - е. если чиновникъ, учиняя вину, дѣйствовалъ съ цѣлью обезпечить административную дѣятельность, то возмѣщеніе, полагающееся потерпѣвшему отъ вины, должно быть взято изъ государственной казны. Ориу говорить, что въ этомъ случаѣ государство отвѣтственно за вину. Нужно однако объяснить точный смыслъ этого выраженія. Государство не отвѣтственно за вину, которой оно не могло совершить на томъ основаніи, что оно не лицо. Но государственная казна страхуетъ управляемаго отъ ущерба, причиняемаго ему плохимъ функціонированіемъ госу-

---

ческая схоластика, любезная сердцу нѣкоторыхъ юристовъ, могутъ прочесть книгу (впрочемъ очень примѣчательную) Mestre, *Les personnes morales et le principe de leur responsabilité morale*, 1899.

дарственной администраціи, проистекающимъ по винѣ одного или нѣсколькихъ чиновниковъ. Это страхованіе основывается на правѣ, такъ какъ государственная администрація устанавливается въ коллективномъ интересѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ изъ этихъ новыхъ понятій закона, отрицательныхъ и положительныхъ обязанностей, падающихъ на правящихъ лицъ, административнаго акта и отвѣтственности государства вырабатывается новый политическій строй, изъ котораго будутъ окончательно изгнаны метафизическія понятія личности и суверенитета, пустоту и опасность которыхъ я уже показалъ.

Мнѣ остается теперь изучить второй элементъ политическаго преобразованія, децентрализацию или синдикальный федерализмъ. Это будетъ предметомъ слѣдующей и послѣдней лекціи.

Третья лекція.

I. Критика революціоннаго синдикализма. — II. Истинное опредѣленіе общественнаго класса.—III. Настоящая природа синдикальнаго движенія.—IV. Какъ оно координируется съ преобразованиемъ политическаго строя.—V. *Чиновническій* синдикализмъ.—VI. Децентрализація въ области государственной администраціи. — VII. Общее заключеніе.

Господа!

Въ то время, какъ центральное правительство видоизмѣняется и организуется на основѣ объективнаго права, возникаетъ новое социальное явленіе большой важности, которое я называю *децентрализаціей* или *синдикалистскимъ федерализмомъ*. Различные общественные классы одновременно проникаются сознаниемъ и своей автономности и своей независимости. Путемъ синдикализма они даютъ себѣ опредѣленное юридическое строеніе; они даже стремятся взять въ свои руки управленіе общественной работой, которая фактически падаетъ на нихъ; они стараются ограничить дѣ-

тельность центрального правительства, которая въ будущемъ, быть-можетъ близкомъ, должна свестись къ простой роли контроля и надзора. Такимъ образомъ, по моему убѣжденію, синдикальное движеніе, послѣ болѣе или менѣе долгаго періода смуть и, быть-можетъ, насилій, сможетъ дать будущему политическому и экономическому обществу сцѣпленіе и интеграцію, которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ не знало наше французское общество.

I.

Но прежде всего я хотѣлъ бы избѣжать недоразумѣнія. Существуетъ крикливая школа, именующая себя *революціонно-синдикалистскою*; она имѣетъ своимъ органомъ журналъ *Le Mouvement socialiste*, въ которомъ пишутъ выдающіеся писатели, Лагарделль, Жоржъ Сорель и Эдуардъ Бертъ, изъ котораго я уже приводилъ нѣкоторыя цитаты. Никто лучше послѣдняго не показалъ разложеніе регальнаго государства и капитальную важность современнаго синдикалистскаго движенія. Одно общество, производящее большой шумъ, Всеобщая конфедерация труда, со своей газетой *La Voix du Peuple*, желаетъ теперь же начать примѣненіе доктринъ революціоннаго синдикализма и выдаетъ себя за уже образовавшійся существен-

ный органъ новаго общества, построеннаго на принципѣ синдикализма *).

Я вполне вѣрю въ глубину и важность синдикалистскаго движенія; но я считаю нужнымъ категорически указать, въ какихъ очень определенныхъ пунктахъ я энергически отвергаю доктрины революціоннаго синдикализма.

Прежде всего я со всей энергіей отвергаю то, что синдикалисты-революціонеры, вслѣдъ за Жоржемъ Сорелемъ, называютъ велерѣчиво теоріей насилія и миѳомъ всеобщей забастовки. Жоржъ Сорель писалъ: „Насиліе естественно занимаетъ мѣсто въ нашей системѣ: съ одной стороны, быстрый прогрессъ производства, ведомый не знающимъ удержу капитализмомъ, а съ другой, растущая организація пролетаріата, приобретающаго мощь въ беспощадной борьбѣ, вызываемой забастовками, вотъ два условія революціоннаго синдикализма“ **). Такимъ образомъ для Жоржа Сореля насиліе есть само условіе прогресса.

---

*) Ср. E. Poujet, *La Confédération générale du travail*, 1908, Lagardelle, *Mouvement socialiste*, 3 серия, I, стр. 46 (1907), — резюме доктринъ революціонно-синдикалистской школы, тамъ же, *Le syndicalisme* въ *Documents du progrès*, апрѣль, 1908, стр. 299. Ср. Challaye, *Le syndicalisme révolutionnaire*, *Revue de métaphysique*, январь, 1907, стр. 103, и мартъ, 1907, стр. 256; Villey, *Les nouvelles forces sociales, le syndicalisme*, *Revue d'économie politique*, 1907, стр. 721.

***) G. Sorel, *Reflexions sur la violence*, *Mouvement socialiste*, 2 серия, XVIII, 1906, стр. 5, 140, 256, 300, особ.

Именно противъ этого я и протестую энергично. Насиліе, по самому существу своему, разрушительно; оно, на самомъ дѣлѣ, есть источникъ страданія и смерти. Возрожденіе и прогрессъ черезъ страданіе есть возмущающая меня доктрина; она можетъ служить темой для парадоксовъ въ духѣ Жозефа де Местра; она можетъ нравиться нѣкоторымъ экзальтированнымъ индивидамъ, ищущимъ благодаря извращенію чувствъ сладострастія умерщвленія плоти. Но она есть доктрина смерти.

Я также энергично отвергаю всеобщую забастовку. Синдикалисты-революціонеры, понимая, что она матеріально невозможна, такъ какъ, если бы она осуществилась, то забастовщики, являясь сначала потребителями, а потомъ лишь производителями, первые пострадали бы отъ нея, выдумали такое милое выраженіе, какъ миѳъ всеобщей забастовки. Если я хорошо понимаю ихъ мысль, они хотятъ сказать, что всеобщая забастовка фактически

стр. 266; XIX, 1906, стр. 33. Авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Связь, указанная мною., между социализмомъ и пролетарскимъ насиліемъ, является теперь передъ нами во всей своей силѣ. Именно насилію социализмъ обязанъ своими высокими моральными цѣнностями, благодаря которымъ онъ приноситъ спасеніе современному міру“. См. письмо Ж. Сореля къ Даніелю Галеви, служащее введеніемъ въ *Размышленія о насиліи*, напечатанныя отдѣльной книгой, *Mouvement socialiste*, 3 серия. I, 1907, стр. 137.

невозможна, но что нужно распространять вѣру въ ея возможность, дать ей даже характеръ религіознаго вѣрованія, и что такимъ образомъ будетъ на лицо могучее средство вызывать, возбуждать насильственные и гибельныя столкновенія, изъ которыхъ и должно выйти новое и возрожденное общество. Эд. Берть и Жоржъ Сорель идутъ даже до утвержденій, что, какъ древній міръ былъ возрожденъ миѳомъ въ божественность Іисуса Христа, такъ и современный міръ будетъ возрожденъ миѳомъ всеобщей забастовки *).

Я еще разъ протестую здѣсь, такъ какъ эта теорія, съ виду ученая, есть лишь средство возбуждать насиліе и увеличивать напряжен-

*) См. именно Ж. Сорель, *La grève générale prolétarienne, Mouvement socialiste*, 1 серия, XVIII, 1906, стр. 256 и сл. Эд. Берть, *ibid.*, 3 серия, I, 1907, стр. 297 и сл., II, 1908, стр. 203 и 221, гдѣ онъ пишетъ: „Миѳъ забастовки выражаетъ воскресеніе народа, приходящаго къ сознанию самого себя, своей сложной личности, своего духовнаго единства, какъ недѣлимаго цѣлаго. Въ противовѣсъ растущей интеллектуализаціи, т.-е. растущей матеріализаціи новаго упадка, подобно тому, какъ нѣкогда христіанство въ противовѣсъ римскому упадку..., въ противовѣсъ этому раздробленію, этому распыленію .., гдѣ не остается ничего общественнаго..., народъ формируется около мастерскихъ, въ синдикатахъ, во время забастовокъ .. Синдикализмъ, съ миѳомъ всеобщей забастовки, даетъ новую социальную силу“... Ср. G. Sorel, *La ruine du monde antique*, 1902; *Le système historique de Renan*, 1906. О всеобщей забастовкѣ см. Griffuelhes, *L'action syndicaliste*, 1908; Ed. Buisson, *La grève générale*, 1905.

ность классовой борьбы. Съ другой стороны, остережемся вносить въ нашу политическую дѣятельность духъ религіозной вѣры; онъ вызвалъ уже достаточно страданій въ мірѣ, и потому своевременно держать его въ сторонѣ отъ общественныхъ отношеній и видѣть въ немъ лишь состояніе индивидуальнаго сознанія.

Наконецъ, я отвергаю также слишкомъ узкое воззрѣніе синдикалистовъ-революціонеровъ на синдикалистское движеніе. Совершая колоссальную ошибку, распространенную еще Карломъ Марксомъ, синдикалисты-революціонеры видятъ въ современныхъ обществахъ вообще, а во Франціи въ частности, лишь два враждебныхъ и воюющихъ класса, классъ буржуазный или капиталистическій, и классъ рабочій или пролетарскій, или, какъ они говорятъ, паразитовъ и производителей, и потому они проповѣдуютъ на всѣхъ перекресткахъ вооруженную борьбу рабочаго класса съ классомъ капиталистовъ. Они не допускаютъ ни пріостановки, ни соглашеній въ этой борьбѣ; она должна продолжаться до полнаго уничтоженія буржуазнаго класса.

Вотъ, на примѣръ, что писалъ въ *Mouvement socialiste* Эдуардъ Бертъ: „Существуютъ въ наличности двѣ силы, сила капиталистическая и сила рабочая; имъ нечего заботиться другъ о другѣ. Рабочій классъ нисколько не смотритъ на себя, какъ на часть единаго цѣлаго;

но онъ считаетъ себя какъ бы цѣлымъ, самъ по себѣ... онъ желаетъ полной гибели своихъ противниковъ, полного разрушенія буржуазнаго порядка и созданія порядка рабочаго. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы соединиться или вступать въ соглашенія съ буржуазіей, дѣло идетъ о томъ, чтобы ее разрушить... Нужно не уменьшать *несолидарность*, а углублять ее еще болѣе, положить ее въ основаніе и превратить ее въ настоящую борьбу классовъ“ *). И Лагарделль въ томъ же журналѣ пишетъ: „Синдикализмъ есть нападеніе на держателей капитала и требованіе управленія производствомъ черезъ посредство группъ производителей“ **).

Эти боевые крики не выражаютъ общественной дѣйствительности. Строеніе нашихъ современныхъ обществъ представляетъ собою нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ полагаютъ это коллективисты и вслѣдъ за ними революціонеры-синдикалисты. Намъ постоянно говорятъ о двухъ классахъ съ противоположными интересами, о классѣ капиталистовъ и о классѣ рабочемъ. Оба они, дѣйствительно, существуютъ; оба они часто приходятъ въ столкнове-ніе; го не оспоримо. Но существуетъ во всѣхъ соврѣменныхъ обществахъ, и въ частности во Франціи, много другихъ классовъ. Когда ви-

---

*) *Mouvement socialiste*, май 1907, стр. 488.

Mouvement socialiste, августъ 1907, стр. 100.

дять только два класса, капиталистическій и рабочій, и ихъ отношенія, то видять лишь совсѣмъ ничтожную часть соціальной проблемы и тѣсно съ ней связанной политической проблемы. Если въ синдикалистскомъ движеніи видять лишь организацію пролетаріата для завладѣнія капиталомъ и управленія производствомъ, то не понимаютъ настоящаго характера этого обширнаго движенія; его эксплуатируютъ, дабы найти въ немъ преступное средство возбудить нездоровыя страсти, толкнуть невѣжественныя толпы на грабежъ и саботажъ; тогда какъ оно есть эволюція, стремящаяся къ перераспредѣленію всѣхъ конститутивныхъ элементовъ нашего общества.

II.

Что такое общественные классы? Всѣ о нихъ говорятъ; но не легко найти опредѣленіе ихъ даже въ писаніяхъ тѣхъ, кто говоритъ о нихъ болѣе всѣхъ. Если и неоспоримо, что въ нашихъ современныхъ обществахъ есть классы, то не менѣе вѣрно и то, что они не являются группами индивидовъ, подчиненныхъ опредѣленнымъ и различнымъ юридическимъ режимамъ. Это очевидно въ странахъ, гдѣ, какъ во Франціи, осуществлено равенство гражданское и политическое. Такъ какъ дифференціація

классовъ юридически неопредѣлена, то границы, раздѣляющія ихъ, чрезвычайно текучи; переходы изъ одного класса въ другой очень часты, и много лицъ находится на очень неясной пограничной чертѣ, отдѣляющей два сосѣдніе класса.

Многочисленные факты могли бы показать, насколько далеки отъ истины тѣ, кто утверждаетъ, что въ современныхъ обществахъ есть лишь два класса, капиталистовъ и рабочихъ, между которыми существуетъ непримиримая борьба до полного уничтоженія одного изъ нихъ. Я укажу лишь на нѣсколько примѣровъ. Во Франціи громадное число лицъ, и быть-можетъ даже большинство, одновременно и капиталисты и работники. Таковы крестьяне, мелкіе собственники, сами обрабатывающіе свою землю, съ помощью своей семьи и нѣсколькихъ рабочихъ. Они многочисленны, какъ извѣстно, во всѣхъ областяхъ Франціи. Сюда относятся хозяева промышленныхъ и торговыхъ заведеній, которые сами управляютъ небольшимъ принадлежащимъ имъ капиталомъ. На это, я знаю, скажутъ, что мелкая торговля, мелкая промышленность наканунѣ исчезновенія передъ громадными магазинами и крупными мастерскими. Это возможно; но пока мелочная торговля и мелкая промышленность составляютъ еще численно значительный классъ населенія. Это прекрасно было видно въ 1887—9 гг., въ эпоху буланжистскаго дви-

женія; именно этотъ классъ далъ Генералу въ Парижѣ 27 января 1889 г. 80,000 голосовъ большинства. И стоитъ проѣхать по любой области Франціи въ автомобили или на велосипедѣ, чтобы признать важное мѣсто, занимаемое въ странѣ мелкой, крестьянской или городской, буржуазіей, одновременно и рабочей и капиталистической.

Съ другой стороны, не болѣе на правильной точкѣ зрѣнія на вещи стоятъ, когда въ одинъ и тотъ же классъ, классъ наемниковъ, относятъ всѣхъ неимѣющихъ капитала и живущихъ лишь на заработную плату за свой трудъ. Черноработчій, заработная плата котораго часто выше, чѣмъ жалованье мелкаго приказчика или чиновника, и эти послѣдніи принадлежать къ различнымъ классамъ, и однако и тѣ и другіе наемники.—Когда чиновники хотятъ соединиться съ рабочимъ классомъ, то они представляютъ собой наивныхъ простаковъ, пойманныхъ на столь же пустой, какъ и коварной декламации революціонныхъ демагоговъ *).

---

*) Такимъ именно образомъ, напр., учителя лишь компрометируютъ свое синдикалистское дѣло, когда принимаютъ резолюціи, подобныя вотированной ихъ конгрессомъ въ Лионѣ 17 апрѣля 1908 года: „Конгрессъ учительскихъ синдикатовъ, принимая во вниманіе, что реорганизація первоначальнаго обученія должна быть дѣломъ дѣствительнаго сотрудничества профессионаловъ (учителей) и заинтересованныхъ (отцовъ семействъ); что это сотрудничество можетъ быть осуществлено лишь путемъ собранія специально вы-

Элементы, изъ которыхъ состоятъ различные общественные классы, чрезвычайно многочисленны и сложны. Но одинъ изъ нихъ является особенно характернымъ и существеннымъ для понятія класса. Онъ станетъ яснымъ, если связать дифференціацію классовъ съ самимъ строеніемъ соціальнаго цѣлаго и если опредѣлить классы въ нашихъ современныхъ обществахъ слѣдующимъ образомъ: группы индивидовъ, принадлежащихъ къ данному обществу, между которыми существуетъ особено тѣсная взаимозависимость въ силу того, что они выполняютъ одну и ту же работу въ раздѣленіи общественнаго труда.

Идея раздѣленія общественнаго труда, такъ прекрасно выдвинутая Дюригеймомъ, въ общемъ очень проста *). Она можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ положеніи: взаимозависимость, соединяющая людей принадлежащихъ къ одной и той же общественной группѣ, является главнымъ образомъ результатомъ различія долей, приносимыхъ каждымъ

бренныхъ представителей корпоративныхъ группъ, рѣшаетъ: 1) что въ 1909 году, по случаю корпоративнаго конгресса на Пасху, долженъ собраться смѣшанный конгрессъ, составленный изъ делегатовъ отъ учительскихъ синдикатовъ и делегатовъ отъ рабочихъ синдикатовъ; и что этотъ конгрессъ долженъ выработать проектъ реорганизации первоначальнаго обученія“ (*Le Temps*, 19 апрѣля 1908).

*) Durkheim, *La division du travail social*, 1894; 2 изд., 1905. Ср. мою книгу *L'état, le droit objectif*, 1901, гл. 1.

въ трудъ, предназначенный удовлетворять потребности всѣхъ и каждаго. Послѣ этого легко понять, что между людьми, осуществляющими одинаковую работу въ обширной мастерской, представляемой всякимъ обществомъ, существуетъ особенно тѣсная связь. Эта болѣе тѣсная связь является прежде всего послѣдствіемъ одинаковости потребностей и способностей, характера производимаго труда, ручного или умственного, а потомъ и результатомъ сродства привычекъ, способа жизни, стремлений, общихъ радостей и страданій.

Если классы дѣйствительно то, что я говорю, легко понять, почему, на примѣръ, рабочіе въ частной промышленности и чиновники не принадлежать къ одному и тому же классу, хотя и тѣ и другіе получаютъ заработную плату; они производятъ не одинаковую работу; чиновники исполняютъ трудъ, имѣющій особенный характеръ уже въ силу того, что онъ является общественной службой. Легко также понять, почему рабочіе и торговые приказчики или служащіе въ частныхъ промышленныхъ заведеніяхъ не принадлежать къ одному и тому же классу, хотя и тѣ и другіе получаютъ заработную плату; они также выполняютъ разную работу. Понятно также, почему рабочіе въ предпріятіи и директоры этихъ предпріятій принадлежать къ разнымъ классамъ, хотя сами директоры часто являются наемниками, почему также крестьяне, мелкіе собствен-

ники, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, земледѣльческіе рабочіе, городскіе рабочіе принадлежатъ къ различнымъ классамъ. Наконецъ, существуетъ и, вѣроятно, долженъ еще долго будетъ существовать капиталистическій классъ, исключительно капиталистическій классъ; и я, не колеблясь, говорю, что это не есть зло. Прежде всего, этотъ классъ гораздо менѣе многочисленъ, чѣмъ это говорятъ. Въ частности во Франціи, число чистыхъ капиталистовъ, я хочу сказать тѣхъ, кто исключительно живетъ на проценты съ капитала, въ дѣйствительности очень ограничено. Болѣе того, очень часто было доказано, что съ безконечнымъ раздробленіемъ капитала въ государственныхъ фондахъ *) и въ многочисленныхъ акціонерныхъ обществахъ знаменитая концентрація капиталовъ, которой коллективисты прожужжали намъ уши, не имѣетъ во Франціи приписываемыхъ ей размѣровъ. Добавлю къ этому, что и на чисто капиталистическій классъ падаетъ своя социальная роль: къ нему принадлежатъ всѣ тѣ, миссія которыхъ заключается въ соединеніи капиталовъ и въ предоставленіи ихъ въ распоряженіе предпріятій. Собственникъ-капиталистъ облеченъ опредѣленной социальной функціей. Я отрицаю его субъективное право собственности, но я утверждаю его социаль-

---

*) См., напр., рѣчи Жюля Роша и Эймонда въ палатѣ депутатовъ 21 и 22 мая 1908 г.

ный долгъ. Пока капиталистическій классъ будетъ выполнять назначенную ему миссію, онъ будетъ жить. Въ тотъ день, когда онъ пренебрежетъ этой миссіей, онъ исчезнетъ, какъ исчезло въ 1789 году дворянство и духовенство.

III.

Если таково современное понятіе общественнаго класса, то легко понять истинную природу синдикалистскаго движенія и то, какъ оно способствуетъ глубокой трансформациі политическаго строя. Синдикалистское движеніе въ дѣйствительности вовсе не является войною, предпринятою пролетаріатомъ съ цѣлью раздавить буржуазію и завладѣть орудіями производства и управленіемъ производствомъ. Это движеніе вовсе не есть, какъ утверждаютъ теоретики социалисты-революціонеры, рабочій классъ, приходящій къ самосознанію съ цѣлью сосредоточить въ себѣ власть и богатство и уничтожить буржуазный классъ. Это гораздо болѣе широкое, болѣе плодотворное и я бы сказалъ, болѣе гуманное движеніе. Оно не есть средство социальной войны и раздора, я думаю, наоборотъ, оно есть могучее средство замиренія и соединенія. Оно представляетъ трансформацию не одного лишь рабочаго класса; оно простирается

на всѣ общественные классы и стремится соединить ихъ въ одну гармоническую связку.

Въ самомъ дѣлѣ, въ синдикализмѣ слѣдуетъ видѣть средство для того, чтобы дать определенное юридическое строеніе различнымъ общественнымъ классамъ, т.-е. группамъ индивидовъ, уже соединенныхъ равенствомъ работы въ раздѣленіи общественнаго труда. Исторически можно констатировать, что борьба классовъ тѣмъ менѣе бывала ожесточена въ обществахъ, чѣмъ болѣе однородными и юридически разграниченными бывали классы. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ устанавливается координація различныхъ классовъ между собою, сводящая къ минимуму социальную борьбу и въ то же время крѣпко охраняющая индивида, входящаго въ определенную группу, противъ притязаній другихъ классовъ и противъ произвола центральнаго правительства.

Не говоря уже о кастахъ Индіи и древняго Египта, можно найти доказательство этого утвержденія въ исторіи феодальнаго періода. Согласно съ многими современными историками, я полагаю, что послѣ многочисленныхъ насилій и борьбы феодализмъ представилъ намъ въ теченіе нѣкотораго времени, въ XIII вѣкѣ, образецъ очень космополатическаго общества, іерархизованные и координированные классы котораго были соединены между собою системою соглашеній, признававшихъ за ними рядъ взаимныхъ правъ и обязанностей,

подъ контролемъ короля, верховнаго сюзерена, обязаннаго, по тогдашнему прекрасному выраженію, утверждать „порядокъ и миръ черезъ справедливость“, т.-е. обезпечивать выполненіе каждой группой обязанностей, возлагаемыхъ на нее занимаемымъ ею мѣстомъ въ общественномъ цѣломъ. Съ абсолютной монархіей общественная іерархія классовъ исчезаетъ. Централизованное королевство привлекаетъ къ себѣ всѣ власти и всѣ функціи. Сословія признаютъ существованіе, но они влачатъ жалкое существованіе. Не неся болѣе службы, они осуждены на смерть. И, дѣйствительно, они исчезаютъ при первомъ революціонномъ дуновеніи. И тогда, какъ я уже сказалъ, надъ толпою изолированныхъ и безсильныхъ индивидовъ, надъ человѣческой пылью воцаряется бсзъ противодѣйствія государство, грозно-могучее, ибо оно опирается на догму національнаго суверенитета, насчитывающую въ это время многочисленныхъ вѣрующихъ.

Синдикализмъ есть организація этой аморфной массы индивидовъ; это есть конституированіе въ обществѣ сильныхъ и связанныхъ группъ, съ опредѣленнымъ юридическимъ строеніемъ, и составленныхъ изъ людей уже объединенныхъ общностью общественной работы и профессиональнаго интереса. Пусть не говорятъ, что это поглощеніе, уничтоженіе индивида въ синдикальной группѣ. Нисколько. Человѣкъ есть общественное животное, уже

давно было сказано; индивидъ тѣмъ болѣе человѣкъ, чѣмъ болѣе онъ обществененъ, т.-е. чѣмъ большаго количества общественныхъ группъ онъ является составною частью. Я даже рискнулъ бы сказать, что только тогда онъ сверхчеловѣкъ. Сверхчеловѣкъ не есть, какъ этого хотѣлъ Ницше, тотъ, что можетъ навязывать всѣмъ свою индивидуальную мощь; это тотъ, кто крѣпко вдвинуть въ рамки общественныхъ группъ, потому что въ этомъ случаѣ его жизнь, какъ общественнаго животнаго, дѣлается болѣе интенсивной. И по мѣрѣ того, какъ семья разлагается все болѣе и болѣе, какъ община перестаетъ быть сплоченной общественной группой, человѣкъ XX вѣка не можетъ найти этой болѣе интенсивной общественной жизни нигдѣ, кромѣ профессиональныхъ синдикатовъ.

Это великое движеніе интеграціи, проявляющееся въ синдикализмѣ, простирается на всѣ классы. Пока лишь разгорается его заря. Оно наполнить все наше столѣтіе; оно, несомнѣнно, будетъ его характернымъ признакомъ. Его умиротворяющее дѣйствіе несомнѣнно, а также несомнѣнна и настоящая охрана, обеспечиваемая имъ индивидамъ противъ произвола правителей.

Все это было прекрасно понято благороднымъ мыслителемъ, который, несмотря на свою очень короткую карьеру, былъ однимъ изъ наиболѣе могучихъ творцовъ синдикалистскаго

движенія. Фернандъ Пеллутье писалъ въ своей *Исторіи биржъ труда*, опубликованной въ 1902 г., годъ спустя послѣ его смерти: „Правда, люди, вѣрящіе въ государство - провидѣніе, должны испытывать нѣкоторую антипатію къ этимъ свободнымъ ассоціациямъ людей (синдикатамъ). Но какъ тѣ, кто любитъ свободу и отвергаетъ централизаторскую систему..., не понимаютъ, что корпоративныя группы суть ячейки будущаго федералистическаго общества? (Система стремится) къ тому, чтобы образовать, по закону раздѣленія органовъ, незначительныя группы (Пеллутье хочетъ сказать, группы незначительнаго численнаго значенія), соотнositельно суверенныя и соединенныя, въ той степени и на то время, которыя кажутся имъ полезными, посредствомъ свободно заключенныхъ федеративныхъ договоровъ“ *).

Впрочемъ, несомнѣнно вліяніе Прудона **)

---

*) Pelloutier, *Histoire des bourses du travail*, 1902, стр. 169.

***) Правда, въ спутанныхъ и разнообразныхъ твореніяхъ Прудона легко найти идеи различнаго порядка и иногда противорѣчивыя. Однако, господствующей его идеей, повидимому, была организація обществъ въ совокупность организованныхъ общественныхъ классовъ, регулирующихъ свои отношенія путемъ коллективныхъ соглашеній. Вотъ по моему мнѣнію одно изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ: „На мѣсто правительства, какъ мы это показали, мы ставимъ промышленную организацію. На мѣсто законовъ, мы ставимъ

Бакунина *); оно дало себя сильно почувствовать и въ доктринахъ и въ движеніи, о которыхъ мы говоримъ. Но у меня нѣтъ времени останавливаться на этомъ.

договоры. Нѣтъ болѣе закона, вотируемаго большинствомъ или единогласно; каждыи гражданинъ, каждая община или федерация творять свой законъ. На мѣсто политическихъ властей, мы ставимъ экономическія силы; на мѣсто прежнихъ классовъ гражданъ, дворянства и простого народа, буржуазіи и пролетаріата, мы ставимъ категоріи и спеціальности функцій, земледѣліе, промышленность, торговлю и т. д. На мѣсто государственной силы, мы ставимъ коллективную силу. На мѣсто постоянныхъ армій, мы ставимъ промышленныя компаніи; на мѣсто полиціи мы ставимъ тождество интересовъ. На мѣсто политической централизаціи, мы ставимъ экономическую централизацію. Постигаете ли вы теперь этотъ строй безъ чиновниковъ, это глубокое и вполне интеллектуальное единство? Да, вы никогда на знали, что такое единство, такъ какъ вы не можете себѣ его представить безъ законодателей, префектовъ, генеральныхъ прокуроровъ, таможенныхъ чиновниковъ, жандармовъ! (Proudhon, *Idée générale de la révolution au XIX-e siècle, Oeuvres complètes*, X, 1860, стр. 259 и 260).

*) Вліяніе Бакунина во Франціи несомнѣнно было очень ограниченнымъ. Однако его имя должно быть упомянуто рядомъ съ именемъ Прудона. Съ интересомъ можно прочитать отрывокъ, напечатанный въ 1 томѣ его *Oeuvres*, франц. изд., подъ заглавіемъ *Fédéralisme, socialisme et antithéologisme*. Однако проповѣдуемый имъ федерализмъ, по видимому, скорѣе федерализмъ провинцій и общинъ, чѣмъ федерализмъ классовъ. Ср. именно стр. 16.

IV.

Какимъ образомъ это синдикалистское движеніе координируется съ трансформацией государства, на которую мы указали въ предшествующей лекціи? Не трудно показать это съ чисто политической точки зрѣнія и съ точки зрѣнія государственной службы.

Фурниеръ писалъ: „Благодаря ассоціаціи мы избѣгнемъ двухъ грозныхъ подводныхъ камней: съ одной стороны, насильственности революціоннаго скачка, съ другой стороны, всемогущества государства, т.-е. тираніи, отягченной демагогіей“ *). Почтенный авторъ прекрасно понялъ ошибку нашихъ отцовъ, которые полагали, что они приобрѣтаютъ свободу, провозглашая народный суверенитетъ, и не видѣли, что тѣмъ они подвергаютъ индивида еще болѣе грозной тираніи, чѣмъ тиранія короля. Образование могущественныхъ синдикатовъ, заключающихъ въ себѣ всѣхъ индивидовъ всѣхъ общественныхъ классовъ и соединенныхъ между собою коллективными соглашениями, устанавливающими отношенія юридическаго характера, представить могучую

---

*) Fournière, *L'individu, l'association et l'état*, 1906, стр. 21. Ср. Fournière, *La sociocratie*, *Revue socialiste*, май, 1908, стр. 253 и сл., *Adaptation de l'état à sa fonction économique*, *ibid.*, январь 1908, стр. 1 и сл.

и дѣйствительную гарантію противъ всемогущества правящихъ лицъ, т.-е. всемогущества класса, партіи или большинства, фактически обладающихъ монополіей силы. Это синдикальное образованіе будетъ обладать сильнымъ и устойчивымъ строеніемъ, которое поставитъ преграду примѣненію всякой насильственной мѣры. Это будетъ какъ бы постоянной организаціей оборонительнаго сопротивленія угнетенію. Вполнѣ естественной органической формой этой силы сопротивленія будетъ широко и сильно организованное профессиональное представительство.

Естественно, что сторонники національнаго суверенитета и закона числа, энергически протестуютъ противъ этой реформы. Эсмень, напр., заявляетъ, что „принципъ національнаго суверенитета логически исключаетъ то, что называютъ представительство интересовъ“. Въ пользу этого мнѣнія онъ приводитъ тотъ, носящій схоластическій характеръ, аргументъ, что „различныя избирательныя коллегіи должны быть лишь фракціями всего избирательнаго корпуса... что фракціи остаются таковыми постольку, поскольку они обладаютъ всѣми свойствами цѣлаго“ *). Но факты часто сильнѣе людей. Быть-можетъ, синдикалистское движеніе не достаточно еще развилось, чтобы можно было пытаться создать положительное

---

*) *Droit constitutionnel*, 4 изд., 1906, стр. 228 и 231.

законодательство для этой области, хотя очень выдающіяся лица, вродѣ Шарля Бенуа и аббата Лемира, требовали этого *). Но, конечно, въ будущемъ, которое еще увидитъ наше молодое поколѣніе, сорганизуется, рядомъ съ пропорціональнымъ представительствомъ партій, профессиональное представительство интересовъ, т.-е. представительство различныхъ общественныхъ классовъ, организованныхъ въ синдикаты и въ федераціи синдикатовъ. „Надо, по словамъ Шарля Бенуа, такъ организовать представительство, чтобы оно заключало возможно больше людей жизни, чтобы оно было пропорціонально не только мнѣніямъ, которыя составляютъ лишь нашу минимальную часть, но всему тому, что есть у насъ человѣческаго, жизни, соціальной силы“.

Лишь палата, составленная изъ выборныхъ отъ синдикальныхъ группъ, можетъ явиться противовѣсомъ могуществу палаты, представляющей индивидовъ, даже если она будетъ избрана по системѣ пропорціональнаго представительства. Раздѣленіе властей между лицомъ, надѣленнымъ исполнительной властью, и

---

*) Charles Benoist, *Rapport à la Chambre*, 1905, sess. ord. J. off., Débats parlem., стр. 472. Ср. его же *La Politique*, — *Sophismes politiques de ce temps*; — *La crise de l'état moderne*; — *Pour la réforme électorale*, 1908. Рѣчь аббата Лемира въ Палатѣ 16 марта 1894 года, J. off., Débats parlem., стр. 562. Ср. мое *Конституціонное право* М. 1908, стр. 529 и сл.

парламентомъ, надѣленнымъ властью законодательной, нисколько не является ограниченіемъ политической власти. Есть люди, которые еще вѣрятъ, что облеченный большей властью и иначе избираемый, чѣмъ по конституціи 1875 г., президентъ республики могъ бы представить полный противовѣсъ всемогуществу палаты депутатовъ. Нынѣ во Франціи глава государства, какъ бы его ни избирали, какую бы власть ему ни давали, является лишь декоративнымъ лицомъ, принимающимъ монарховъ и пословъ, предсѣдательствующимъ на торжествахъ, дающимъ балы и обѣды, ѣздящимъ на скачки, но обладающимъ ничтожной политической ролью. Боятся диктатуры главы государства, избраннаго всеобщимъ и прямымъ голосованіемъ. Боязнь иллюзорная. Эта диктатура была бы возможна только въ томъ случаѣ, если бы она могла опираться на склонность военнаго сословія къ преторіанскому духу. Между тѣмъ, я полагаю, что со времени неудачи буланжизма, съ эпохи дѣла Дрейфуса, послѣ введенія двухгодичной воинской повинности, эта склонность и этотъ духъ исчезли, къ счастью, безвозвратно.

Впрочемъ, говоря прямо, политическое всемогущество принадлежитъ нынѣ въ дѣйствительности гораздо менѣе палатамъ, чѣмъ совѣту министровъ, который юридически является политически отвѣтственнымъ посредникомъ между президентомъ республики и

парламентомъ, и который представляетъ изъ себя въ дѣйствительности нѣчто вроде комитета общественяго спасенія, могущаго при желаніи, съ помощью внѣпарламентскихъ средствъ, сохранять власть по своему желанію *). Его политическая отвѣтственность сдѣлалась пустымъ словомъ. Это искаженіе парламентарнаго строя будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ организовано профессиональное представительство на ряду съ пропорціональнымъ. Я не знаю, можетъ ли режимъ, который установится въ этомъ случаѣ, называться парламентарнымъ, но я убѣжденъ, что онъ будетъ могучей гарантіей противъ произвола правительства, которое не сможетъ выйти изъ своей роли контроля, надзора, охраны и приведенія въ дѣйствіе государственной силы, къ каковой роли и должна быть сведена его дѣятельность.

---

*) Разсказываютъ, что когда на завтракѣ въ Маріенбадѣ (въ августѣ 1907 г.) Эдуардъ VII спросилъ президента совѣта Клемансо, сколько времени онъ разчитываетъ еще оставаться у дѣль, тотъ послѣдній отвѣчалъ: „Государь, столько, сколько мнѣ будетъ угодно“. Я не знаю, вѣренъ ли этотъ анекдотъ; во всякомъ случаѣ отвѣтъ приписываемый президенту совѣта, является вполне точнымъ резюме нынѣшняго политическаго положенія.

V.

Синдикалистское движеніе стремится также другимъ путемъ прійти въ гармонію съ новою формою государства. Именно оно предуготовляетъ децентрализацію отраслей административной дѣятельности путемъ образованія чиновническихъ синдикатовъ, которые неизбежно будутъ обладать очень широкой автономіей. Здѣсь мы касаемся очень злободневнаго и первостепенной важности вопроса.

Прежде всего, вопросъ о чиновническихъ синдикатахъ ставится съ точки зрѣнія положительнаго права. Могутъ ли чиновники по нынѣ дѣйствующему во Франціи законодательству легально образовывать синдикаты? Не колеблясь, я отвѣчаю: нѣтъ; никакіе чиновники не могутъ образовывать синдикатовъ. Законъ 1884 года о профессиональныхъ синдикатахъ примѣняется не къ нимъ, а только къ частнымъ профессіямъ. Это внѣ сомнѣнія, и я прохожу мимо этого вопроса.

Но что долженъ въ настоящее время дѣлать законодатель по отношенію къ чиновническому синдикализму? Имѣется ли въ данномъ случаѣ на лицо движеніе хотя и поверхностное, но способное вызвать дезорганизацію государственной службы, и законодатель можетъ и долженъ поэтому остановить его или направить въ другое русло, чтобы избѣ-

жать дезорганизаціи государства? Или, наоборотъ, это—глубокое и интенсивное движеніе, противъ котораго останутся безсильными законодательныя постановленія и правительственные акты, движеніе, которое приготавливаетъ новый и лучшій строй политической и административной жизни страны?

Долженъ сознаться, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ моментъ, когда начиналось это движеніе, я полагалъ, что оно поверхностно и вызвано нѣкоторыми злнамѣренными чиновниками, желающими заставить говорить о себѣ, чтобы воспользоваться возникшимъ шумомъ; я полагалъ, что правительству легко помѣшать образованію этихъ синдикатовъ. Я полагалъ, что въ этомъ его долгъ, такъ какъ терпѣть чиновничьи синдикаты значитъ дозволить ихъ забастовку, ибо, между другими цѣлями, профессиональные синдикаты имѣютъ также въ виду, вполне согласно съ законами, приготовленіе и объявленіе забастовокъ. Я говорилъ: такъ какъ чиновники являются прямыми соучастниками въ функціонированіи государственной службы, то нельзя дозволить синдикаты чиновниковъ, которые смогутъ на законномъ основаніи организовывать стачки, такъ какъ, по самому своему опредѣленію, правящія лица юридически обязаны обеспечивать непрерывное функціонированіе государственной службы.

Я по прежнему считаю, что чиновники не могутъ дѣлать забастовокъ и что правящія

лица не выходятъ изъ своей роли контроля и надзора, когда они употребляютъ свою принудительную силу съ цѣлью помѣшать какимъ бы то ни было забастовкамъ чиновниковъ и когда они устраняютъ отъ должности вожаковъ. Я продолжаю думать, что многіе ораторы биржъ труда, синдикатовъ учителей, почтовыхъ служащихъ, таможенныхъ чиновниковъ и т. д. имѣютъ въ виду главнымъ образомъ свои личные интересы. Но въ то же время я считаю, что чиновническій синдикализмъ есть глубокое и интенсивное движеніе, что законодатель не можетъ ни задержать его ни направлять по-своему, что оно соотвѣтствуетъ и служитъ дополненіемъ исчезновенію личной и суверенной власти государства, и что оно есть одинъ изъ видовъ великаго синдикалистскаго движенія, реорганизующаго мало-по-малу общество.

Не пытаюсь здѣсь объяснить и обсудить понятіе чиновника и государственной службы, я напому въ нѣсколькихъ словахъ, что чиновниками являются всѣ тѣ, кто непосредственно, постоянно и нормально принимаетъ участіе въ отправленіи государственной службы, а государственная служба, въ свою очередь, есть опредѣленная дѣятельность, выполненіе извѣстной работы, считаемой въ данный моментъ настолько важной для общественной группы, что на правителей падаетъ юридическая обязанность, обезпечить ея совершеніе.

Слѣдовательно, чиновники выполняютъ въ раздѣленіи общественнаго труда работу, характеризующуюся тѣмъ, что ихъ трудъ разсматривается, какъ необходимый для самой жизни группы. Если, слѣдовательно, наше опредѣленіе общественныхъ классовъ точно, то чиновники, какъ таковые, образуютъ, очевидно, отдѣльный общественный классъ. Многочисленные факты, полученные изъ наблюдений, о которыхъ было бы слишкомъ долго здѣсь распространяться, подтверждаютъ это положеніе.

Слѣдовательно, обширный классъ чиновниковъ увлеченъ въ великое синдикалистское движеніе. Какъ всѣ классы общества, онъ стремится приобрести опредѣленное юридическое строеніе. Чиновническій синдикализмъ не имѣетъ ничего спеціальнаго; онъ есть лишь одинъ изъ элементовъ общаго синдикалистскаго движенія, простирающагося на всѣ части общества. Но взятый самъ по себѣ, онъ является однако достаточно сложнымъ феноменомъ. Обширный классъ чиновниковъ въ дѣйствительности является классомъ, заключающимъ въ себѣ много подъ-классовъ, соотвѣтственно числу различныхъ государственныхъ службъ. Если всѣ чиновники соединены другъ съ другомъ общностью работы, то чиновники одного и того же вѣдомства очевидно взаимно объединены еще болѣе тѣснымъ образомъ. Такимъ образомъ, будучи однимъ движеніемъ,

чиновническій синдикализмъ есть сложное движеніе, облекающееся въ различныя формы соотвѣтственно различнымъ отраслямъ государственной службы и вызывающее образованіе столькихъ синдикатовъ, сколько есть различныхъ отраслей государственной службы; причемъ однако эти синдикаты могутъ составлять элементы обширной федераціи.

Но чиновники должны быть осторожными и не довѣрять вожакамъ и демагогамъ, желающимъ увлечь ихъ въ революціонную дѣятельность Всеобщей конфедераціи труда. Они должны остаться чуждыми революціонному синдикализму; они должны проникнуться тою мыслью, что ничто не можетъ быть болѣе вредно ихъ собственнымъ интересамъ, какъ участіе въ революціонной дѣятельности*). Они не должны

---

*) Клемансо оказалъ учителямъ большую услугу (которую они впрочемъ не сумѣли оцѣнить), сказавши имъ въ своемъ очень примѣчательномъ письмѣ отъ 7 апрѣля 1907 года: „Вамъ не мѣсто во Всеобщей конфедераціи труда; тѣмъ болѣе, что тамъ произносятся такія рѣчи, которыхъ одобрить не можетъ ни одинъ педагогъ. Апологія „саботажа“ и „непосредственнаго дѣйствія“, провокація къ враждѣ между гражданами, призывъ къ дезертирству и къ измѣнѣ являются доктриной, противъ которой вы должны предъ вами самими, предъ вашей миссіей, предъ свѣтской школой, предъ республиканскимъ идеаломъ и вашей страной бороться съ послѣдней энергіей. Параграфъ 3 ст. 16 устава Всеобщей конфедераціи труда обозначаетъ, какъ одну изъ цѣлей ассоціаціи, „пропаганду съ цѣлью ввести въ сознаніе организованныхъ рабочихъ необходимость всеобщей

забывать, что, что бы тамъ ни говорили, насиліе и ненависть ничего не основываютъ прочнаго. Они не должны забывать, что они, чиновники не могутъ взывать къ миѳу всеобщей забастовки, такъ какъ они по самому опредѣленію своему являются участниками государственной

забастовки“. Если вы искренне думаете, что ваши усилія должны стремиться къ этому результату, вы должны признать, что это воззрѣніе абсолютно несомвѣстимо съ обязанностями вашей должности“. Ср. съ этимъ резолюцію, вотированную конгрессомъ учителей въ Ліонѣ 15 апрѣля 1908 года и приведенную въ началѣ настоящей лекціи. — Національный конгрессъ почтовыхъ служащихъ пошелъ вразрѣзъ съ самими интересами, представлять которые онъ претендуетъ, вотировавши, послѣ, правда, долгаго обсуждения, 19 апрѣля 1908 г. слѣдующій порядокъ дня: „Конгрессъ національнаго синдиката почтовыхъ, телеграфныхъ и почтовыхъ служащихъ, считая, что Всеобщая конфедерация труда есть живое и дѣйственное выраженіе пролетарской солидарности; что она въ настоящее время есть нить, соединяющая между собою всѣ синдикальныя организаціи; что ни одна организація, сознающая свой долгъ солидарности, не должна оставаться внѣ Всеобщей конфедерации труда; считая, съ другой стороны, что служащіе П. Т. Т., получающіе заработную плату отъ государства, подобно всѣмъ другимъ наемнымъ рабочимъ, имѣютъ требованія къ нанимающему ихъ государству-хозяину; что они не могутъ принять правительственнаго тезиса, устанавливающаго барьеръ между административнымъ пролетариатомъ и наемниками частной промышленности; что, присоединяясь ко Всеобщей конфедерации труда, они выполняютъ свой долгъ рабочей солидарности; что рабочіе синдикаты при всякихъ случаяхъ поддерживали требованія наемниковъ государства; — объявляетъ о своемъ присоединеніи къ Всеобщей конфедерации труда“.

службы, т. е. дѣятельности, выполненіе которой составляетъ юридическій долгъ для тѣхъ, на долю которыхъ она выпадаетъ. Прибѣгнуть ко всеобщей забастовкѣ является для чиновниковъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ возстановить неограниченный произволь центральнаго всемогущаго правительства.

Если, наоборотъ, чиновническій синдикализмъ будетъ сдержанъ въ указанныхъ мною границахъ, то онъ непременно приведетъ въ ближайшемъ будущемъ къ тому, что я называю децентрализацію отраслей государственной службы, каковая децентрализація, я полагаю, отвѣчаетъ опредѣленной потребности.

VI.

Пока отъ государства требовалось лишь производить судъ и обезпечивать внѣшнюю безопасность и внутреннюю охрану, не было нужды въ децентрализаціи, и правящія лица, обладающія наибольшей силой, могли, одни или черезъ посредство своихъ прямыхъ агентовъ, выполнять эту задачу суда, охраны и безопасности. Но когда современный человѣкъ, пришедшій къ ясному сознанію общественной взаимозависимости, связывающей всѣхъ членовъ общественной группы, какъ управляемыхъ такъ и управляющихъ, при-

зналъ за этими послѣдними обязанность обезпечивать выполненіе различныхъ работъ во всѣхъ родахъ челоѳческой дѣятельности, то неизбѣжно должна была возникнуть тенденція къ децентрализаціи. Правящія лица, являющіяся обладателями наибольшей силы, не могутъ сами или черезъ своихъ прямыхъ агентовъ выполнить всѣ эти различныя работы. Въ этомъ случаѣ онѣ неизбѣжно должны выполняться группами индивидовъ, имѣющихъ нѣкоторую независимость по отношенію къ правящимъ лицамъ и дающихъ движеніе и направленіе работѣ, но подъ контролемъ и надзоромъ правящихъ лицъ и ихъ агентовъ. Это именно и является децентрализаціей.

Была сдѣлана попытка осуществить такую децентрализацію, воспользовавшись, хотя и естественной и очень древней общественной группой, но уже устарѣвшей, именно общиной, или группой новаго и вполнѣ искусственнаго созданія, — департаментомъ. Законы 10 августа 1871 г. и 5 апрѣля 1884 г. имѣли претензію осуществить настоящую общинную и областную децентрализацію. Но децентрализація эта скорѣе видимая, чѣмъ дѣйствительная. Но даже если бы она была и дѣйствительной, она недостаточна, такъ какъ она оставляетъ внѣ своихъ предѣловъ громадное число отраслей общественной службы. Наша административная организація, разумѣется, ориентирована не въ смыслѣ общинной или департаментской децен-

трализації. Децентралізація проведена була такожъ въ нѣкоторой степени возведеніемъ нѣкоторыхъ отраслей общественной службы въ государственныя учрежденія, имѣющія de jure нѣкоторую автономію, но все же поставленныя подъ тѣсный и часто надоедливый контроль правительственныхъ агентовъ *).

Форма децентралізації, къ которой мы идемъ, совсѣмъ иная. Она мало-по-малу осуществляется благодаря корпоративной организаціи чиновниковъ одной и той-же отрасли государственной службы. Она является послѣдствіемъ синдикалистскаго движенія, глубину и интенсивность котораго мы признали. Чиновники одного вѣдомства образуютъ корпоративный синдикатъ, который обезпечитъ имъ охрану противъ правительственнаго произвола, противъ незаконныхъ смѣщеній съ должности, противъ фаворитизма, доносовъ и который въ то же время будетъ принимать участіе въ самомъ управленіи вѣдомствомъ. Образованные вначалѣ для защиты профессиональныхъ, классовыхъ интересовъ, синдикаты чиновниковъ мало-по-малу станутъ приводить въ движеніе и управлять порученной имъ го-

---

*) Интересная попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана во Франціи путемъ децентралізації высшаго образованія, отчасти осуществленной созданіемъ университетовъ. См. зак. 10 іюля 1896 объ устройствѣ университетовъ и три декрета 21 іюля и два декрета 22 іюня 1897 г.

сударственной службой. Впрочемъ право дѣйствительнаго контроля и постояннаго надзора должно быть оставлено за правящими лицами и ихъ агентами. Съ другой стороны, эта должностная автономія должна имѣть противовѣсъ въ сильно организованной и энергично санкціонированной отвѣтственности чиновника по отношенію къ публикѣ. Будучи болѣе охраннымъ и болѣе независимымъ, чиновникъ долженъ быть и болѣе отвѣтственнымъ.

Правда, мы еще не пришли къ достаточно точному пониманію профессиональной и общественной роли классовъ, къ достаточно твердому сознанію тѣсной междуклассовой взаимозависимости; сами чиновники еще не достаточно прониклись сознаніемъ падающей на нихъ суровой обязанности во всѣхъ случаяхъ обеспечивать точное и непрерывное отправленіе государственной службы; они еще не обладаютъ достаточно прочнымъ чувствомъ своей отвѣтственности по отношенію къ публикѣ, чтобъ теперь же эта система децентрализаціи могла быть примѣнена ко всѣмъ отраслямъ государственной службы. Но я полагаю, что мы достаточно быстро идемъ къ ней. Однимъ изъ фактовъ, которые, по моему мнѣнію, лучше всего обозначаютъ эту тенденцію, является корпоративная организація *должностной* дисциплины, вытекающая изъ ряда правительственныхъ распоряженій, сдѣланныхъ за послѣдніе годы по отношенію ко

многимъ категоріямъ чиновниковъ, напимѣрь къ служащимъ различныхъ министерствъ, къ чиновникамъ министерства путей сообщенія, финансоваго вѣдомства и т. д. *) Не является ли это явнымъ доказательствомъ тенденціи къ корпоративной организаціи государственныхъ должностей?

Природа этого синдикалистскаго движенія была выяснена уже нѣкоторыми выдающимися публицистами, напр., Максимомъ Леруа **), сдѣлавшимся общепризнаннымъ и мужествен-

---

*) Ср. Bonnard, *Chronique administrative, Revue du droit public*, 1907, стр. 481, отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: *La crise du fonctionnarisme, Ses causes et ses remèdes*, 1907. По поводу общихъ положеній, заключающихся въ этихъ различныхъ административныхъ распоряженіяхъ, Боннаръ пишетъ: „Есть одно положеніе, которое заслуживаетъ вниманія, это то, которое имѣетъ въ виду присутствіе представителей, избранныхъ своими коллегами, какъ въ комиссіяхъ повышеній по службѣ, такъ и въ дисциплинарныхъ совѣтахъ. Важность этого положенія состоитъ въ томъ, что оно, повидимому, представляетъ одинъ изъ моментовъ въ эволюціи государственныхъ должностей къ своей корпоративной организаціи“. Ср. Bonnard, *De la répression disciplinaire*, thèse, 1902, Bordeaux.

***) Ср. именно брошюру, изданную Лигой правъ человека: Max. Leroy, *Le droit des fonctionnaires*, 1906; *Rapport à la Ligue des droits de l'homme sur le droit des fonctionnaires*, 1907; *La crise des services publics* въ *Pages libres*, 22 февраля 1908 и двѣ важныя книги Макс. Леруа: *Les transformations de la puissance publique, les syndicats de fonctionnaires*, 1907; *La loi, essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie*, 1908.

нымъ защитникомъ чиновниковъ, жертвъ злоупотребленія властью, Берто *) и Поль-Бонкуръ **).

Въ согласіи съ этими послѣдними авторами я охотно скажу, что мы идемъ „къ полной децентрализаціи, къ цѣлостному, одновременно и корпоративному и административному, федерализму“. Родригъ высказалъ это еще болѣе точно, по поводу первоначальнаго обученія. „Синдикаты чиновниковъ, подобно рабочимъ синдикатамъ, не являются простыми корпоративными ассоціаціями обороны; но они призваны сдѣлаться со временемъ органами правленія... Мѣсто правленія, осуществляемого извнѣ и сверху, стремится занять автономная администрація, осуществляемая снизу“ ***).

Сторонники регальной доктрины были возмущены подобными утвержденіями. Фернандъ Форъ въ рѣзкой статьѣ въ *Revue politique et parlementaire* (январь 1906) разразился анаемой противъ чиновническихъ синдикатовъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлился предсказывать ихъ блестящее будущее. Газета *Temps* также пришла въ отчаяніе. Они заявили, что это анархія, разрушеніе не при

---

*) Berthod, *Revue politique et parlem.*, mars 1906, стр. 413.

***) Paul Boncourt, *Revue socialiste*, janvier 1906, стр. 17 и сл.

***) Rodrigues, *Le syndicalisme universitaire* въ *Revue socialiste*, октябрь 1905, стр. 499 и его письмо въ *Temps*, № 9, ноябрь 1905 г.

косновеннаго, єдинаго и недѣлимаго суверенитета государства. Но они проглядѣли, что чиновническій синдикализмъ есть не причина, а слѣдствіе, и что именно благодаря отсутствію вѣры въ фикцію государственнаго суверенитета произошла эволюція въ направленіи къ децентрализаціи вѣдомствъ государственной службы.

Но, говорить Бертелеми *), это не децентрализація, а анархія. Децентрализація, прибавляетъ онъ, производится въ интересѣ управляемыхъ, т. е. тѣхъ, которые получаютъ выгоду отъ государственной администраціи, въ то время какъ образованіе автономныхъ и выполняющихъ правительственную роль чиновническихъ синдикатовъ имѣетъ цѣлью охрану интересовъ самихъ администраторовъ, т. е. тѣхъ, кто несетъ государственную службу.

Возраженіе имѣетъ свою цѣну. Однако оно не можетъ насъ остановить. Надо, въ самомъ дѣлѣ, доказать, что управляемые не получаютъ въ свою очередь выгоды отъ преобразованія, которое передастъ чиновникамъ или ихъ выборнымъ представителямъ управленіе государственной службой. Надо еще доказать, что государственная служба будетъ производиться хуже, когда управленіе ею будетъ принадлежать выборному корпоративному совѣту, подъ простымъ контролемъ правительства.

---

*) *Revue de Pic*, іюнь 1906.

Можно съ бѣльшимъ основаніемъ отстаивать то мнѣніе, что государственная служба будетъ производиться лучше, если она будетъ подчинена не иногда произвольному и часто невѣжественному управленію прямого правительственнаго агента, не имѣющаго техническихъ знаній, а будетъ получать направленіе со стороны технического совѣта, избраннаго самими чиновниками, принадлежащими къ этой службѣ. Можно также держаться мнѣнія, что публика будетъ въ лучшемъ положеніи, если корпоративная организація государственной службы будетъ имѣть послѣдствіемъ болѣе сильно санкціонированную личную отвѣтственность чиновниковъ. Впрочемъ опасность анархіи будетъ избѣгнута и координація различныхъ вѣдомствъ обезпечена сохраненіемъ за правительствомъ правъ контроля и надзора.

VII.

Здѣсь я остановлюсь и не буду болѣе настаивать на этой проблемѣ, какова бы ни была ея важность въ настоящій моментъ. Я достаточно ясно, по моему мнѣнію, показалъ, въ какомъ смыслѣ вырабатывается и какую форму мало-по-малу приобрѣтаетъ политическій режимъ, стремящійся занять мѣсто режима, основаннаго на ложной и опасной идеѣ

суверенитета и личности государства. Наверху — правители, представляющие действительное большинство индивидовъ, составляющихъ общественную группировку: имъ принадлежитъ не право государственной власти, а обязанность употреблять наибольшую силу на реализацію права въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ ихъ дѣйствіе сводится къ выполнению технической работы по надзору и контролю. Въ обществѣ—синдикальныя группы, сильно интегрированныя, соединившіяся въ федераціи по профессіямъ и имѣющія политическое представительство, обеспечивающее сильное ограниченіе власти правящихъ лицъ. Борьба классовъ, прекращенная или по крайней мѣрѣ ослабленная конвенціональнымъ установленіемъ регламентовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія классовъ, проникнутыхъ точнымъ сознаниемъ своей независимости. Государственная служба, выполняемая и направляемая корпораціями чиновниковъ, отвѣтственныхъ за свои ошибки поотношенію къ частнымъ лицамъ и находящихся подъ контролемъ и надзоромъ правящихъ лицъ.

Но, скажете вы, это мечта. Нисколько. Я, на самомъ дѣлѣ, только резюмирую главные элементы эволюціи, совершающейся на нашихъ глазахъ, какъ необходимое послѣдствіе уничтоженія субъективнаго права государственной власти.

Въ то же время происходитъ другое пре-

образование, -- уничтоженіе субъективнаго права, представляющаго собою синтезъ индивидуальныхъ правъ, именно права собственности; это преобразование заслуживаетъ долгаго и углубленнаго изученія. Я нисколько не думаю, что индивидуальное присвоеніе, даже въ области капитала, должно исчезнуть хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ. Но нѣтъ сомнѣній, что понятіе собственности, какъ субъективнаго права, исчезаетъ и уступаетъ мѣсто возрѣнію на собственность, какъ на общественную функцію. Обладатель богатства не имѣетъ права на него; это — фактическое состояніе, которое принуждаетъ обладателя къ отправленію извѣстной общественной функціи, и принадлежность лицу имущества охраняется въ той мѣрѣ, въ какой это лицо выполняетъ свою общественную функцію.

Огюсть Контъ, котораго я часто цитировалъ, уже прекрасно замѣтилъ это преобразование собственности. Именно онъ писалъ: „Во всякомъ нормальномъ состояніи челоуѣчества, каждый любой гражданинъ представляетъ собою настоящаго государственнаго чиновника, болѣе или менѣе опредѣленный атрибутъ котораго одновременно устанавливаетъ и обязанности и претензіи. Этотъ всеобщій принципъ, разумѣется, долженъ простираться вплоть до собственности, въ которой позитивисты видятъ главнымъ образомъ необходимую общественную функцію, пред-

назначенную для образованія и управленія капиталами, благодаря которымъ каждое поколѣніе приготавливаетъ труды послѣдующаго. Благоразумно понятая, эта нормальная оцѣнка облагораживаетъ владѣніе собственностью, не ограничивая ее справедливой свободой и даже заставляя ее лучше уважать“ *).

Эту общественную функцію, состоящую въ „образованіи и управленіи капиталами, благодаря которымъ каждое поколѣніе приготавливаетъ труды послѣдующаго“, коллективистская школа хочетъ передать государству, и этимъ она продолжала римскую, регальную, якобинскую и наполеоновскую традицію**). Изъ предшествующаго видно, что эта школа идетъ противъ фактовъ, такъ какъ ее система заключаетъ въ себѣ сохраненіе личнаго и сувереннаго государства; это же государство умерло или находится при смерти. И къ счастью; ибо еслибы коллективистская доктрина восторжествовала, то государство сдѣлалось бы чудовищной властью, болѣе грозной еще, чѣмъ государство, вышедшее изъ революціи; это было бы уничтоженіемъ индивида и возвратомъ къ варварству.

---

*) Auguste Comte, *Système de politique positive*, изд. 1892, I, стр. 156.

***) Ср. Dazet, *Lois collectivistes pour l'an 19..*, 1907; E. Buisson, *Le parti socialiste et les syndicats ouvriers*, 1907; G. Renard, *Le socialisme à l'oeuvre*, 1907.

Разумѣтся, наши современныя общества ориентируются, что бы тамъ ни говорили, не въ этомъ направленіи, а скорѣе къ экономическому и чиновническому синдикализму, основныя линіи котораго я постарался начертать.

Въ началѣ этихъ лекцій я упоминалъ статью А. Матера, въ которой онъ выражаетъ надежду, что въ новомъ экономическомъ режимѣ „не будетъ юристовъ, какъ не будетъ ни поповъ ни воиновъ“. Подобно ему, я желалъ, чтобы въ будущемъ обществѣ не было болѣе ни священниковъ, ни воиновъ. Но въ немъ, разумѣтся, будутъ юристы, они займутъ въ немъ даже главенствующее положеніе, ибо на нихъ падетъ задача опредѣлять функции и обязанности каждаго индивида и каждаго класса, и подтверждать, какъ того хочетъ Огюсть Контъ, что никто не имѣетъ иного права, кромѣ права всегда выполнять свой долгъ. Кромѣ того, я желаю всѣмъ моимъ сердцемъ, чтобы въ будущемъ обществѣ не было демагоговъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе къ русскому переводу проф. А. Алексѣева. III	
Первая лекція	15—50
1. Норма правъ или объективное право.....	20
2. Метафизическій характеръ понятій субъективнаго права.....	27
3. Отрицаніе государственной власти, понимаемой какъ субъективное право	33
4. Соціальная опасность такого пониманія.....	43
Вторая лекція	51—105
✓ 1. Государственная власть, какъ простой фактъ.....	53
✓ 2. Истинная природа законовъ.....	58
3. Критика нѣкоторыхъ возраженій.....	63
✓ 4. Обязанности правящихъ лицъ.....	70
✓ 5. Истинная природа административныхъ актовъ.....	75
6. Критика возраженій.....	80
✓ 7—8. Отвѣтственность государства.....	91
Третья лекція	106—147
1. Критика революціоннаго синдикализма.. .. .	107
✓ 2. Истинное опредѣленіе общественнаго класса.....	113
3. Настоящая природа синдикальнаго движенія	119
4. Какъ оно координируется съ преобразованіемъ политическаго строя.....	125
5. Чиновническіе синдикализмы.. .. .	130
6. Децентрализація въ области государственной администраціи.....	136
7. Общее заключеніе.....	143